

Две королевы

Автор:

Джон Гай

Две королевы

Джон Гай

Жизнь Марии Стюарт была исполнена беспрецедентного драматизма и противоречий. Став королевой Шотландии в возрасте девяти месяцев, а королевой Франции – в шестнадцать лет, она взошла на престол, который принадлежал ей по праву рождения, в восемнадцать. Как глава одной из самых беспокойных стран Европы, раздираемой религиозным конфликтом и борьбой за власть, Мария вела за собой армии к победе и к поражению; она пережила убийство второго мужа и вышла замуж за того, кого называли его убийцей. В двадцать пять лет она оказалась в плену у другой королевы – Елизаветы Тюдор, подписавшей Марии после девятнадцатилетнего заточения смертный приговор. Прославленный историк и биограф Джон Гай изучает лабиринты заговоров, которые плели шотландские лорды, стремясь захватить власть, и усилия, которые прикладывали министры Елизаветы, чтобы исключить Марию из числа законных наследников английского престола. Он предлагает абсолютно новые интерпретации известной истории, на протяжении многих веков вдохновлявшей писателей, поэтов, композиторов, художников и режиссеров. Книга легла в основу снятого в 2018 году в Великобритании фильма с Сиршей Ронан в роли Марии и Марго Робби в роли Елизаветы. «Я решил написать новую биографию Марии. Мне хотелось добраться до самой сути: увидеть женщину, выбор которой был понятным, а решения логичными, а не собрание стереотипов или удобных и плохо согласующихся друг с другом мифов. Я хотел рассказать историю Марии Стюарт, по возможности предоставив слово ей самой, и одновременно показать, почему свидетельства других людей о тех же событиях разительно отличаются от ее точки зрения». (Джон Гай)

Джон Гай

Две королевы

John Guy

«MY HEART IS MY OWN»

The Life of Mary, Queen of Scots

© John Guy 2004

© Фото на обложке: Focus Features LLC. All Rights Reserved

© Vostock Photo Archive, иллюстрации на форзацах и вкладках, 2009

© Гольдберг Ю. Я., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

Чрезвычайно важная работа, изобилующая новыми материалами из архивов Англии, Шотландии и Франции. Бурные споры, которые вызывала личность Марии Стюарт при жизни королевы, не утихают до сих пор. Эту книгу нужно прочесть и защитникам, и хулителям Марии.

Анна Сомерсет, Literary Review

В этой новой биографии не остается ни одного момента в жизни Марии, на который автор не посмотрел бы под другим углом зрения... Захватывающее и убедительное чтение.

Сара Гриввуд, Guardian

Очарование Марии не меркнет. Ее бурная жизнь нисколько не теряет своей привлекательности в этом серьезном и захватывающем изложении.

Алан Тейлор, Scottish Sunday Herald

Вне всякого сомнения, очень точная, полная и детальная биография, основанная на авторитетном анализе.

Миранда Сеймур, Sunday Times

Редкостное сочетание научности и первоклассного рассказа.

Джон Адамсон, Daily Telegraph

Пролог

В среду 8 февраля 1587 г., около восьми утра, когда уже достаточно рассвело и можно было обойтись без свечей, сэр Томас Эндрюс, шериф графства Нортгемптоншир, постучал в дверь одной из комнат замка Фотерингей, приблизительно в 75 милях от Лондона. Сегодня на этом месте остались только заросший сорняками земляной вал внутреннего двора и насыпь на месте сторожевой башни в нескольких сотнях ярдов от деревни, расположенной на берегу реки Нин, по-прежнему несущей к морю свои воды.

А в XVI столетии на этом месте кипела жизнь. Тогда Фотерингей был королевским замком. Здесь в 1452 г. родился Ричард III, а Генрих VII, который убил Ричарда в битве при Босуорте, преподнес это поместье в качестве свадебного подарка своей жене Елизавете Йоркской, и следующий король – Генрих VIII – пожаловал замок своей первой супруге, Екатерине Арагонской, которая перестроила и обновила поместье. В 1558 г. эти земли достались Елизавете I, унаследовавшей трон после смерти своей старшей сестры Марии Тюдор.

Несмотря на королевский статус, никто в замке Фотерингей, да и на всех Британских островах, не был готов к тому, что должно было произойти. Томас Эндрюс сопровождал в тот день двух высших представителей английской знати, Джорджа Толбота, графа Шрусбери, и Генри Грея, графа Кента. Дверь, в которую он постучал, вела в личные апартаменты Марии, королевы Шотландии и вдовствующей королевы Франции, которая почти девятнадцать лет провела в Англии как пленница Елизаветы.

В комнате коленопреклоненная Мария молилась вместе со своими слугами. Эндрюс сообщил, что пора идти, и она, взглянув на него, ответила, что готова. Мария поднялась с колен, и по обе стороны от нее встали ее камеристки.

Ей было всего сорок четыре года. Рожденная и воспитанная для того, чтобы править, Мария решительно шагнула из комнаты, словно направлялась на дворцовый бал. Ростом почти шесть футов (около 178 см), она всегда держалась с королевским достоинством. С самого ее детства, еще во Франции, все восхищались красотой и статью Марии. Чаще всего при описании ее красоты говорили «очаровательная» и «совершенная». Современники отмечали не только ее физическую красоту – правильные черты лица, удлиненную шею, тонкую талию, но и ее душевные качества – сердечность и способность мгновенно находить общий язык с каждым. Живая и очень подвижная, она могла быть безудержно щедрой и дружелюбной. Благодаря своему острому как бритва уму, умению вести беседу, общительности, обаятельности она могла быть чрезвычайно доброжелательной, и иногда даже позволяла себе фамильярничать, но лишь до тех пор, пока уважалось ее «величие». Многие современники отмечали ее почти сверхъестественную способность создавать впечатление, что ей важно только мнение того человека, с которым она в данный момент беседует.

Но, находясь в длительном заточении, от бездеятельности и отсутствия физической активности она очень быстро постарела, и сильно огорчалась оттого, что ее красота так быстро увяла. Черты лица стали грубее, плечи опустились, спина сгорбилась. Лицо, некогда славившееся нежной и гладкой, как мрамор, белой кожей, обрюзгло; появился второй подбородок. Но заточение не смогло полностью изменить ее, светло-карие глаза остались такими же живыми, а локоны рыжих волос по-прежнему блестели.

Мария не спала почти всю ночь. Она тщательно готовилась к грандиозному спектаклю, ее величайшему триумфу, в котором важна была каждая мелочь.

Тон задавала одежда. На первый взгляд казалось, что Мария была одета во все черное, если не считать белого льняного покрывала. Украшенное тонким кружевом, оно по французской моде ниспадало с волос на плечи, а затем до самого пола. Покрывало крепилось к маленькому батистовому чепцу белого цвета, также обшито кружевом, который едва касался лба, а из-под него во все стороны выбивались локоны. Платье из плотного черного шелка спускалось почти до пола и заканчивалось шлейфом. Оно было украшено золотой вышивкой и собольим мехом, а пуговицы в виде желудей были изготовлены из черного янтаря в обрамлении жемчуга.

Присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть корсет из алого бархата и одну из нижних юбок из украшенного вышивкой черного шелка, которые выглядывали сквозь модные разрезы на платье. Само платье украшали длинные, богато расшитые рукава с разрезами в итальянском стиле, под которыми были видны внутренние обтягивающие рукава из темно-красного бархата, а на ногах туфельки из тончайшей испанской замши. Впоследствии выяснилось, что на ней были небесно-голубые чулки, расшитые серебряной нитью, с зелеными шелковыми подвязками поверх мягких белых чулок, которые надевались, чтобы защитить кожу от трения.

В одной руке Мария держала распятие из слоновой кости, в другой – молитвенник на латыни. Ее тонкая талия перетянута поясом, с которого свисают четки с золотым крестом, а на шее серебряная или золотая цепь с медальоном с изображением Христа в образе «Агнца Божьего».

Мария в сопровождении Эндрюса впереди и графов позади прошла по длинному коридору в просторное помещение, где ее ждали домочадцы, чтобы отдать дань уважения и попрощаться. Свидетель (возможно, граф Кент) писал в то время, что она призвала слуг бояться Бога и жить в смирении. После она обняла всех женщин и подала руку для поцелуя мужчинам. Мария попросила слуг не скорбеть, а «радоваться и молиться за нее». Один из них впоследствии вспоминал, что она не выказывала никакого страха и даже улыбалась.

Затем Мария спустилась по лестнице в большой зал на первом этаже. Из-за распухших от ревматизма ног ей пришлось опереться на руки двух солдат. Когда процессия добралась до вестибюля перед залом, там ее ждал Эндрю Мелвилл, стюард Марии, который преклонил колени и, сдерживая слезы, воскликнул: «Мадам, это будет самое печальное известие, которое мне когда-либо приходилось сообщать, – о кончине моей королевы и госпожи».

«Ты должен радоваться, а не плакать, потому что наконец несчастья Марии Стюарт подошли к концу, – со слезами ответила она. – Передай это послание и скажи моим друзьям, что я умерла с верой в душе, оставшись истинной дочерью Шотландии и истинной дочерью Франции».

Затем она снова взяла себя в руки, и ее настроение внезапно переменялось. Она оглянулась и объявила, что у нее «неподобающее сопровождение», потребовав «уважать в ней женщину» и разрешить, чтобы ее сопровождали камеристки. Оба сопровождающих испугались, что она устроит еще больший скандал и ее

придется тащить силой.

Шрусбери стал оправдываться, что они просто выполняют приказ. Услышав эти слова, Мария возмутилась: «Даже людям менее знатным не отказывали в таких скромных милостях».

«Мадам, – ответил Кент, – это невозможно, из опасений, что некоторые из них своими речами будут беспокоить и расстраивать Вашу милость и приводить в волнение общество... или захотят омочить носовые платки в Вашей крови, нарушая порядок».

«Милорд, – ответила Мария, – словом моим ручаюсь, что они этого делать не станут. – Потом, не удержавшись, прибавила: – Вам известно, что во мне течет кровь Генриха VII, что я вдовствующая королева Франции и венчанная королева Шотландии».

Графы тихим шепотом посоветовались и уступили Марии, умевшей настоять на своем. Двум ее любимым фрейлинам, Джейн Кеннеди и Элизабет Керл, и четверем мужчинам, в том числе Мелвиллу, позволили присоединиться к процессии. «Allons donc, – с улыбкой сказала Мария. – А теперь идемте». Она говорила по-французски, как на своем родном среднешотландском языке, а английский выучила с трудом только во время длительного заточения.

Теперь, когда вся свита была в сборе, Мария решительным шагом направилась в большой зал; шлейф платья поддерживал Мелвилл. Это был по-настоящему торжественный выход королевы, как и задумывалось; она прошла перед сотней зрителей к центру зала, где за два дня спешно сколотили деревянный помост, рядом с очагом, в котором пылала огромная груда поленьев. Поднявшись по двум ступенькам на помост, Мария села на низкую скамеечку, которую для нее приготовили; справа от нее расположились графы, слева – шериф.

Разумеется, никакого трона здесь не было. Помост представлял собой квадратный эшафот высотой два фута и стороной 12 футов, обитый черным холстом, который по бокам свисал до пола, скрывая под собой грубую конструкцию. Ограждение высотой 12 дюймов установили только с трех сторон, а четвертая, обращенная к зрителям, оставалась открытой. Рядом с плахой, тоже задрапированной черной тканью, лежала подушка, на которую Мария должна была преклонить колена.

На помосте уже ждали два человека в масках – «Бык», палач лондонского Тауэра, и его помощник. На них были длинные черные плащи и белые фартуки; рядом стоял топор, небрежно прислоненный к ограждению. Из глубины зала на помост, окруженный солдатами, смотрели рыцари и дворяне Нортгемптоншира и соседних графств; высота эшафота была рассчитана таким образом, чтобы всем было видно. Во дворе замка перед главным входом в большой зал собралась толпа из тысячи человек, ждавшая новостей.

Шериф призвал к тишине, после чего Роберт Бил, секретарь Тайного совета королевы, которому было поручено доставить распоряжение о казни в Фотерингей, огласил приговор. Пока он читал королевский указ – на это потребовалось около десяти минут, – Мария оставалась абсолютно неподвижной. По словам Роберта Уингфилда из Аптона из графства Нортгемптоншир, который стоял в десяти ярдах от нее, она не выказывала никаких эмоций, слушала «невнимательно, как будто это ее не касалось, с радостным выражением лица, словно это было помилование». Однако ее выдержка подверглась жестокому испытанию, когда по сигналу графа Шрусбери вперед выступил Ричард Флетчер, декан Питерборо и один из любимых проповедников Елизаветы.

Флетчер – отец драматурга Джона Флетчера, соавтора Шекспира в «Генрихе VIII», – должен был прочесть «наставление» Марии, в котором осуждалась ее приверженность католицизму и предательство веры. Затем он прочел молитвы, которые должны были повторять все присутствующие. Он был одним из штатных священников Елизаветы и был известен своей «привлекательной внешностью» и «угодливыми речами». Однако его «наставление» произвело противоположный эффект; проповедь, которую он попытался прочесть – а это была именно проповедь, – стала величайшей *faux pas*[1 - Ошибка (фр.).] в его карьере. От волнения он начал заикаться. «Мадам, – произнес он, – Ее Величество королева... Мадам, Ее Величество королева...» Три раза он останавливался и начинал снова, но на четвертый раз Мария прервала его. Ясным, недрогнувшим голосом она сказала: «Господин декан, я не желаю Вас слушать. Вам нет дела до меня, а мне – до Вас».

Сконфузившись, Флетчер возразил: «Я не говорю ничего, в чем не поклялся бы перед всемогущим Господом». Поначалу он не желал ей уступать, убежденный в том, что Бог не покинет истинно верующих, подаст им весть через ангелов. Если Марию приговорили к смерти, это промысел Божий, и проповедник отвечает за свою проповедь только перед Богом.

Услышав эти слова, Мария с уверенностью, как это всегда происходило с ней во время спора, ответила: «Я тверда в своей древней римско-католической вере и готова пролить кровь за нее».

«Мадам, – опрометчиво ответил Флетчер, – перемените решение, отрекитесь от прежних заблуждений и перенесите все упования только на Иисуса Христа, дабы он даровал Вам спасение». Разговаривать с королевой в таком тоне было непозволительно. Залившись румянцем, Мария приказала ему замолчать. Повисла неловкая пауза, и графы уступили. Флетчеру было приказано пропустить проповедь, но он в припадке ярости настоял, чтобы ее переписали из его заметок в отчет о событиях этого дня.

Затем последовала странная сцена, больше похожая на фарс. Граф Кент сказал Флетчеру, чтобы тот начал читать молитвы, но при первых же словах декана Мария стала громко молиться на латыни, подняв распятие к глазам.

Никто не хотел уступать: рыцари и дворяне, собравшиеся в зале, присоединились к Флетчеру и вслед за ним повторяли слова молитв, а Мария и шесть ее слуг старались перекричать их. Наконец королева, обливаясь слезами, соскользнула со скамеечки и опустилась на колени, но не сдалась.

Даже после того, как Флетчер умолк, Мария продолжила молиться, теперь по-английски, чтобы вызвать еще большее замешательство. Она молилась за церковь, за прекращение религиозных распрей, за то, чтобы ее сын, двадцатилетний король Шотландии Яков VI, которого враги воспитали как протестанта, обратился в истинную католическую веру. Она молилась за долгое и счастливое царствование Елизаветы, угодное Богу. Она призналась, что надеется на спасение «благодаря крови Христовой, у подножия креста которого она прольет свою кровь». В заключение она просила святых помолиться за ее душу и обратилась к Богу, чтобы он не оставил своими милостями и избавил от напастей «этот глупый остров».

Для графа Кента, фанатичного протестанта, эти слова прозвучали оскорбительно. «Мадам, – сказал он, – храните Иисуса Христа в своем сердце и оставьте эти папистские фокусы». Но Мария проигнорировала его замечание. Закончив молитву, она поцеловала распятие и перекрестилась – жестом, принятым у католиков[2 - В католичестве крестное знамение исполняется движением руки слева направо. – Прим. ред.].

Это был по большей части спектакль. Мария никогда не была столь непримиримой католичкой, которой теперь представила себя миру. Политика всегда была для нее важнее религии. Как правитель Шотландии она разумно приняла компромисс, основанный на религиозном status quo и влиянии официального протестантского реформирования. Лишь после заточения в Англии она стала выставлять себя несчастной католичкой, пострадавшей только за веру. Произошедшее в большом зале замка Фотерингей было искусно разыгранным спектаклем, и эта тактика оказалась успешной. Унизив Флетчера, Мария одержала пропагандистскую победу, которая прогремела по всей католической Европе.

Удовлетворенная произведенным впечатлением королева спокойно повернулась к Быку, который смиренно преклонил перед нею колени и попросил прощения. «Прощаю Вас от всего сердца, ибо надеюсь, что Вы положите конец всем моим страданиям», – сказала она.

Палачи помогли камеристкам Марии раздеть ее – она осталась в одной нижней юбке. Когда они расстегивали пуговицы на ее платье, она широко улыбнулась и пошутила, что «ее никогда не раздевали такие горничные» и что «ей еще не приходилось снимать одежду при таком скоплении народа».

Она положила распятие и молитвенник на скамейку, а один из палачей снял с ее шеи медальон – по традиции личные вещи казненного принадлежали ему. Но Мария возразила, сказав, что предпочла бы отдать их слугам, а палач получит денежную компенсацию.

Когда с Марии сняли покрывало и черное платье, по залу разнесся приглушенный вздох изумления. Нижняя юбка была из рыжеватого-красного бархата, а лиф – из шелка того же цвета. Одна из камеристок подала ей темно-красные перчатки, которые королева тут же натянула на руки. Произошла настоящая метаморфоза.

Несколько минут Мария стояла неподвижно, в одеянии цвета засохшей крови: это литургический цвет мученичества в римско-католической церкви. Эта картина была настолько вызывающей, настолько оскорбительной для дворян, что в отчете для Тайного совета о ней не сказано ни слова. Инцидент сохранился в истории благодаря французскому документу того времени, основанному на рассказах слуг Марии, подтвержденных двумя независимыми английскими источниками, в том числе письмом слуги Шрусбери другу – никаких причин лгать

у него не было.

Мария поцеловала камеристок, которые не удержались и зарыдали. «Ne criez vous, – обратилась она к ним по-французски, – j'ai promis pour vous». Или, как рассказывал один из свидетелей: «Пожалуйста, не плачьте, я ведь поручилась за вас. Не плачьте, а радуйтесь».

Мария благословила женщин и повернулась к Мелвиллу и другим слугам, все громко плакали и непрерывно крестились. Она прочла краткую молитву на латыни, благословила их, попрощалась и попросила вспоминать ее в своих молитвах.

Затем Мария «со всей решимостью» опустилась на колени на подушку, а Джейн Кеннеди завязала ей глаза белым платком с золотой вышивкой, который королева сама выбрала минувшей ночью. Джейн поцеловала платок, сложила треугольником, закрыла им лицо Марии и прикрепила к чепцу. После чего две камеристки сошли с помоста.

Стоя на коленях, Мария декламировала на латыни псалом *In te Domino confido*, «На тебя, Господи, уповаю». Потом она нащупала плаху и положила на нее голову, уперев подбородок в ладони; если бы один из палачей не убрал ее руки, их отрубили бы вместе с головой. Мария вытянула руки и ноги и воскликнула: *In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum*, «В руки твои, Господи, вручаю свою душу». Она повторила эти слова три или четыре раза, пока палач не нанес последний удар; помощник удерживал ее тело.

Но палач не справился. Голову следовало отсечь одним ударом, но напряжение было так велико, что не выдержал даже самый опытный палач Англии. Первый удар оказался неточным – он пришелся не на шею, а на узел платка на затылке. По словам одного из свидетелей, Мария издала «очень тихий стон», согласно словам другого – громко крикнула: «Господи Иисусе, прими мою душу». Второй удар разрубил шею, но не до конца, и палач был вынужден отрезать оставшиеся жилы, используя топор, словно нож. Наконец он поднял отрубленную голову и крикнул: «Боже, храни королеву!» Присутствующие в зале изумленно охнули – губы Марии шевелились, словно продолжая молиться; они конвульсивно дергались еще четверть часа.

Но и это был еще не конец. Когда палач поднял отрубленную голову, рыжие локоны Марии и белый чепец отделились от черепа. Иллюзия царственного величия исчезла. У палача в руках остался клочок волос, а голова упала на пол и, словно футбольный мяч после неудачного удара, покатила к зрителям, «седая и почти лысая».

Внезапно все стало ясно. Королева Шотландии носила парик. Присутствующие словно онемели. И только граф Шрусбери не выдержал и разрыдался.

Когда палач поднял голову, доктор Флетчер пришел в себя. «Так погибнут все враги королевы!» – провозгласил он. Его поддержал граф Кент, стоявший над телом: «Таков будет конец всех врагов королевы и врагов Веры!» Но это был ужасный финал, душераздирающий катарсис. Даже в театрах Лондона, где снова вошли в моду пьесы о мести и трагедии, никто не видел ничего подобного.

Убитых горем слуг Марии вывели из зала и заперли в комнатах. Палачи раздевали труп, когда один из них увидел, что любимая собачка королевы, скайтерьер, пробралась на помост, спрятавшись под нижней юбкой хозяйки. Обнаруженная, она принялась с воем бегать вокруг тела, а затем улеглась посреди лужи крови между отрубленной головой и плечами Марии. Поскольку успокоить собачку не удавалось, ее насильно унесли, вымыли, однако с тех пор она отказывалась от еды. Одна из служанок Марии утверждала, что вскоре животное умерло, но однозначного подтверждения этих слов у нас нет.

После полудня черную ткань, которой был обтянут помост, плаху, подушку, одежду и украшения Марии, все, что было испачкано кровью, по приказу графов сожгли в открытом очаге, чтобы не осталось никаких материальных свидетельств «мученической смерти за веру», чем стремилась представить свою казнь королева. Они тщательно проследили, чтобы ее вещи не могли оказаться у ее приверженцев из числа католиков. В большом зале все еще оставались рыцари и дворяне, наблюдавшие за всеми действиями, и поэтому, когда графы писали официальный отчет о казни, эти люди поставили под документом свои подписи, выступив в качестве свидетелей.

Четвертый сын графа Шрусбери, Генри Толбот, был спешно отправлен в Лондон, чтобы в тот же вечер доставить отчет о казни Тайному совету. После его отъезда останки королевы погрузили на носилки и отнесли наверх для бальзамирования. Эшафот разобрали, и всех отправили по домам – за исключением шерифа, который должен был похоронить сердце и внутренние

органы в тайном месте. Некоторые украшения Марии также были закопаны в глубоких подземельях замка, поскольку кольцо, подаренное ей вторым мужем, Генри, лордом Дарнли, при обручении, впоследствии было найдено в руинах замка и в 1887 г. выставлено в Питерборо.

Ни один человек, видевший Марию в ее последний день, не мог забыть ее смерти. Независимо от отношения к ней или веры в рассказы, которые оправдывают ее вынужденное отречение и казнь, в тот день совершилось цареубийство. Мария была коронованным монархом. Елизавета, будучи на протяжении тридцати лет суверенным правителем, стремилась, как и ее соперница, защитить идеал монархии: принцип, что правители отвечают только перед Богом. Она делала все возможное, чтобы предотвратить казнь Марии, пока не убедилась, что иного выхода нет, и затем переложила вину на других.

Елизавета все прекрасно понимала. Было очевидно, что смерть Марии навсегда изменит отношение к монархии на Британских островах. Цареубийство значительно усилит парламент, уничтожив «божественность, которая охраняет короля». Ее смерть поможет распространению теории народовластия – убеждению, что источником политической власти является народ, а не правитель, – и идеи, что представителями народа являются те, кто избран в парламент. Именно эту идеологию использовали мятежные лорды в Шотландии, чтобы низложить Марию. Та же теория укоренится и здесь, и – что окажется еще более разрушительным – повторится во Франции через 250 лет после ее смерти, а в конце концов пересечет Атлантику, когда шотландец, доктор Уильям Смолл, будет преподавать этику и политическую теорию юному Томасу Джефферсону в колледже Вильгельма и Марии в Виргинии.

Почему королева Мария с ее многочисленными достоинствами – красивая и умная, общительная и практичная, неотразимая и полная жизни – оказалась скомпрометированной и низложенной? Одна из причин заключается в том, что у нее был непримиримый противник – Уильям Сесил, глава правительства Елизаветы и на протяжении сорока лет главный советник королевы. Он был заклятым врагом королевы Шотландии. И поскольку, в отличие от Елизаветы, Мария исповедовала католичество, а Сесил был одержим идеей превратить все Британские острова в единую протестантскую общину, в его политической структуре власти не оставалось места для независимости Шотландии. Отсюда и постоянные споры с шотландскими союзниками о степени главенства Англии. Елизавета делала все возможное, чтобы защитить идею «божественного права» монархии независимо от вероисповедания правителя, но Сесил был убежден, что

парламент имеет право определять наследование трона, руководствуясь соображениями религии, а это означало, что династические притязания Марии должны быть отвергнуты любой ценой.

После своей смерти, как и при жизни, Мария вызывала сильные чувства. Для последователей она оказалась невинной жертвой: ею манипулировали, и ее оклеветали – она оказалась лишь пешкой в руках вероломной шотландской знати и честолюбивых французских и английских политиков, которые считали ее помехой на пути к осуществлению планов. Критиканы указывали на недостатки Марии, ее излишнюю приверженность эмоциям. Она правила по велению сердца и не руководствовалась разумом. Она была *femme fatale*: обольстительница, ловко манипулировавшая людьми, открыто демонстрировавшая свою сексуальность на балах и пирах, не считаясь с мнением других.

Враги Марии одержали победу. Для нас она осталась в истории не как обаятельный молодой правитель, наслаждавшийся властью и на какое-то время сумевший объединить раздробленную страну, а скорее как человек, которого больше заботили ее драгоценности и домашние любимцы. В одном из описаний ее казни с осуждением отмечается, что она «выказала навыки чрезвычайно искусной актрисы». Но в XVI в. театральность была очень важна для демонстрации власти, и характер Марии проявился здесь больше, чем предполагает это циничное утверждение.

В этой книге предпринята попытка выяснить всю правду о Марии Стюарт или хотя бы приблизиться к ней, насколько это возможно: показать не только собрание стереотипов или удобных и искусно соединенных мифов, а рассказать о судьбе женщины-правительницы, выбор и решения которой были последовательными и очень логичными. Цель определяет и сам метод: описать жизнь Марии и рассказать ее историю, подтверждая ее документально, а не опираться на общеизвестные издания или отредактированные фрагменты, которые зачастую предназначены для того, чтобы увековечить мифы, а не развеять их. Возможно, вас удивит, что сохранилось огромное количество этих документов – в архивах и научных библиотеках Эдинбурга, Парижа, Лондона, в домах старинных английских аристократов и даже в Вашингтоне и Лос-Анджелесе. Некоторые из них историки не открывали с 1840 г. Многие не подвергались внимательному изучению с 1890-х гг., например нерасшифрованные рукописные копии двух знаменитых «писем из ларца».

Наша цель – рассказать о жизни Марии, по возможности предоставляя слово ей самой, а также понять, почему рассказы других людей о событиях того времени зачастую так сильно расходятся с ее точкой зрения. Только после этого появится возможность должным образом разобраться в несметном количестве фактов, объяснить и понять последовательность событий, пролить свет на бурную жизнь королевы.

1

Первый год

Мария Стюарт родилась суровой зимой. Земля была покрыта снегом, а узкие дороги и извилистые тропы Англии и Шотландии стали непроезжими. Скот, в летние месяцы бродивший по Шотландской низменности и приграничным долинам, томился в приземистых каменных коровниках. Река Туид, местами превращавшаяся в бурный поток на пути к морю, в которое она впадала неподалеку от Берика-апон-Туида по восточную сторону границы, полностью замерзла. Обычно важные депеши доставлялись из Эдинбурга в Лондон за пять или шесть дней, однако известию о рождении Марии потребовалось четыре дня, чтобы дойти до замка Алник в графстве Нортумберленд, всего в нескольких милях южнее Берика.

Новорожденная была единственной дочерью и единственным выжившим наследником Якова V Шотландского и его второй жены Марии де Гиз. Девочка родилась в пятницу 8 декабря 1542 г. во дворце Линлитгоу в 17 милях к западу от Эдинбурга.

Жестокий мороз вряд ли беспокоил тех, кто собрался тогда в покоях королевы на втором этаже северо-западной башни дворца. Недавняя реконструкция превратила Линлитгоу в роскошную резиденцию. Яков V любил роскошь и стремился следовать новейшей моде эпохи Возрождения. Окна дворца были застеклены, потолки расписаны, каменные и деревянные детали украшены резьбой с изображением корон и чертополоха[3 - Чертополох – символ королевской власти Шотландии. – Прим. ред.]. В каминах большого зала и еще десятка комнат королевских апартаментов жарко горели дрова. Каменные стены были задрапированы великолепными фламандскими гобеленами и

занавесями из расшитой золотом ткани, спасавшими от сквозняков.

Линлитгоу, вместе с Фолклендским дворцом в Файфе, был любимой резиденцией Марии де Гиз. Она помогала перестраивать оба дворца на манер французских замков. Удивляться этому не стоило, королева была француженкой, вдовствующей герцогиней де Лонгвиль, старшей дочерью Клода, герцога де Гиза, и Антуанетты де Бурбон. Гизы принадлежали к самым могущественным и знатным аристократическим родам Франции. Их родовое имение находилось в Жуанвиле, в области Шампань, а поместья занимали стратегически важные регионы на севере и востоке Франции.

Семья ее первого мужа, Людовика Орлеанского, герцога де Логвиль, владела обширными поместьями в районе Луары, и потому Мария де Гиз прекрасно знала, что такое дворец в стиле Возрождения. Она сравнивала Линлитгоу с замками Луары, где жила королевская семья, когда уезжала из Парижа. Подобно Шенонсо, жемчужине Луары, Линлитгоу был местом для отдыха и развлечений. Внешние стены замка стояли на полукруглом холме, окруженном водой, который на севере упирался в узкий морской залив, а на юге возвышался над приходской церковью св. Михаила и городом Линлитгоу.

Рождение Марии Стюарт пришлось на поворотный пункт в истории Шотландии. Всего двумя неделями раньше, 24 ноября, армия ее отца была разбита англичанами в битве при Солуэй-Моссе. Для шотландцев Англия была непримиримым «старинным врагом». Отношения между двумя соседями испортились после того, как Эдуард I заявил о правах сюзерена на Шотландию и в 1290-х гг. попытался ее аннексировать. Шотландцы обратились за поддержкой к французам и папе[4 - Николай IV – папа римский (1288–1292). – Прим. ред.], а также фанатически поощряли патриотизм, пытаясь защитить независимость своего королевства. Многочисленные вторжения англичан после 1296 г. ознаменовали период враждебности между государствами, длившийся на протяжении пяти поколений.

Приграничные стычки стали нормой. Открытая война исключалась, не в последнюю очередь потому, что мощь двух стран была несоизмерима. Англия была гораздо богаче и сильнее северного соседа. Ее население в то время составляло около 3,5 миллиона человек, а Шотландии – едва ли 850 тысяч. Единственным крупным городом здесь был Эдинбург с 13 тысячами жителей – в пять раз меньше, чем в Лондоне. Собрать налоги и набрать войско Англии было гораздо легче, чем Шотландии – этому способствовали сильное

централизованное правительство и более эффективная вертикаль власти. Решительное сражение почти неизбежно закончилось бы сокрушительным поражением шотландцев.

Кроме того, в самой Шотландии существовало неравенство между регионами. От трети до половины населения жили в приграничном регионе и горной Шотландии, а остальные – на землях более богатой и космополитичной Шотландской низменности. Вместе с королем страной управлял парламент, который состоял преимущественно из землевладельцев; считалось, что члены парламента представляют всю страну, но они придерживались расхожего мнения жителей низин о горцах как о проходимцах и преступниках. Кланов горцев держались обособленно, и по негласному уговору жители горной и низинной Шотландии по большей части игнорировали друг друга. Многие горцы говорили на гэльском наречии, а не на среднешотландском, что усиливало культурные различия. Язык жителей низин был ближе к северному диалекту английского, чем к гэльскому.

Политика в Шотландии носила клановый характер, где доминировали кровные связи и родовые традиции. За фасадом феодального лорда скрывался более древний статус главы клана или рода. Верность клану ставила шотландских лордов во главе связей, охватывающих целые регионы и формирующих структуры власти на всех государственных уровнях. Самой монархии было выгодно опираться на клановые структуры, а также на то, что можно было перераспределить благодаря покровительству церкви.

Когда в 1509 г. Генрих VIII взошел на трон, войны на Британских островах возобновились. Генрих оказался сильным правителем – патриотом Англии и военным стратегом. Он хотел возобновить Столетнюю войну против Франции, чтобы добиться военных побед. Из всех своих предшественников Генрих больше всего восхищался Черным принцем и Генрихом V, блестящие победы которых во Франции принесли им и землю, и славу. Усилия королевских советников не раз и не два разрушались его рыцарскими грезами. Но война всегда была «спортом королей», и если Генрих хотел завоевать французские земли, сначала ему следовало разобраться с Шотландией – союзницей Франции и «старинным врагом» в тылу Англии. Как говорилось в популярном стихе, «тот, кто решил победить Францию, должен начать с Шотландии». Генрих любил повторять эти слова и воспринимал их как руководство к действию.

Поражение шотландцев при Солуэй-Моссе было не результатом полномасштабного вторжения англичан, а всего лишь приграничной стычкой, которая закончилась для них крайне неудачно. Причиной катастрофы стала не агрессия Генриха VIII, а решение Якова V предпринять масштабную контратаку, без тщательного выбора места и времени.

В ответ на вторжение английского войска под командованием герцога Норфолка король Яков V отправил армию грабить спорную территорию к северу и востоку от Карлайла, известную как «пограничный край». Его войско форсировало реку Эск во время отлива. Возвращение совпало с приливом, и войско оказалось запертым между рекой и болотом. Вынужденная отступить под натиском меньшего по численности, но более дисциплинированного английского отряда, армия попала в западню. В плену оказались около двенадцати сотен человек, в том числе двадцать три знатных дворянина и лэрда, которых в качестве заложников отправили в Лондон и заключили в Тауэр.

Для Якова V поражение стало глубокой психологической травмой. Он был унижен и как король, и как военачальник, и потеря лица усугубилась еще тем, что он не вел свое войско лично, а держался в отдалении. И дело было не в трусости. Яков был храбрым воином, но в тот момент недооценил риски. Результатом стало распыление сил. Унижение оказалось еще сильнее, чем тридцать лет назад, когда армия его отца, Якова IV, была разгромлена в битве при Флоддене отцом герцога Норфолка. Политические последствия обоих поражений – длительное ослабление королевской власти – были одинаковыми. Но в 1513 г. шотландцы, по крайней мере, погибли в рукопашной схватке во время решающего сражения. Они умерли с достоинством, а не как крысы в западне.

Яков V поскакал в Линлитгоу, чтобы повидаться с женой, готовившейся к родам, но потом почти сразу уехал в Эдинбург, а затем в Фолклендский замок, где слег. Маловероятно, что он любил жену, поскольку у него было много любовниц. Однако король беспокоился о ребенке, и его внезапный отъезд больше говорит о его психологическом состоянии, чем о крепости семейных уз. Он очень расстроился, когда ему сообщили, что родившийся наследник – девочка. Когда годом раньше умерли два его маленьких сына, Яков V вспомнил о Марджори Брюс, дочери короля Роберта I и основательнице династии Стюарт. Но после рождения дочери он воскликнул: «Проклятье! Это закончится так же, как началось. Началось с женщины и закончится женщиной». Другой источник так передает его слова: «Началось с девчонки и кончится девчонкой».

И совсем скоро – 14 декабря Яков V умер. Ему было всего тридцать лет, но в этом достаточно молодом возрасте он уже страдал от многочисленных болезней. Разгульный образ жизни, результатом которого стала «сыпь» и приступы «лихорадки», а также серьезная травма, полученная на охоте, ослабили его иммунитет. Перед смертью он страдал от «неудержимой рвоты» и «сильного кишечного расстройства», что косвенно указывает на дизентерию, возможно, из-за выпитой зараженной воды. Другая возможная причина смерти – «мор» или холера; король мог заразиться от графа Атолла, с которым кутил и который скончался совсем недавно.

Так или иначе, но Яков V умер в своей постели, в отличие от своего отца, который погиб в битве при Флоддене при невыясненных обстоятельствах. Скорее всего, его убили англичане, но вполне возможно, он пал в самом конце сражения от руки одного из лордов-предателей.

И как тогда его сын унаследовал трон в возрасте семнадцати месяцев, так и теперь история повторялась. Внучка Якова IV, Мария Стюарт, стала королевой в возрасте всего шести дней от роду.

Девочку окрестили, как только стало безопасно выносить ее на холодный воздух. То небольшое расстояние от южных ворот дворца Линлитгоу до церкви св. Михаила ее несла на руках няня Дженет Синклер. Малышку назвали Марией в честь матери, а также в честь того, что день ее рождения праздновался римско-католической церковью как день зачатия Девы Марии.

После крещения в купели Марию умастили елеем и завернули в мантию из белой генуэзской тафты, сшитую специально для таинства крещения. Почти наверняка (так было принято у королевских отпрысков) затем ее принесли в главный престол и провели обряд конфирмации, хотя впервые она причастилась во время мессы только в девять лет. Генриху VIII сообщили, что она «очень слабый ребенок и вряд ли выживет». Предсказание оказалось неверным, а появившаяся вскоре коварная угроза жизни и безопасности будущей королевы и мирной передаче трона окажется преодоленной благодаря храбрости ее матери.

Смерть Якова V послужила началом сложной череды событий, в которых тесно переплелись политические, религиозные и фракционные мотивы. Англия и Франция сражались за влияние на Шотландию, которая стала пешкой в борьбе двух более сильных стран и правящих в них династий. В детстве Мария не участвовала в этих интригах, но все они так или иначе затрагивали ее. Целью

каждого заговора было либо захватить несовершеннолетнюю королеву, либо выдать ее замуж за представителя королевской семьи Англии или Франции, чтобы гарантировать влияние в будущем. Такого рода махинации помогали сформировать династию, которую продолжит Мария, когда повзрослеет, и все вместе они определяли тайные планы, которым она храбро бросит вызов, достигнув совершеннолетия.

В те годы, когда формировались личность и характер маленькой королевы, примером ей служила мать. В течение почти пяти лет после рождения дочери Мария де Гиз проявляла незаурядную политическую хитрость и умение маневрировать на политическом поле, и при этом она постоянно училась на своих ошибках. Она сразу же окунулась в политику, сведя до минимума траурные церемонии по усопшему мужу.

Вдовствующая королева отличалась высоким ростом и поистинне царственной осанкой. Рыжие волосы и тонкие черты лица, высокие скулы, изогнутые дугой брови и высокий лоб, тонкие губы и орлиный профиль завершали общее впечатление от фигуры и образа королевы-матери. Держалась Мария де Гиз уверенно и гордо; она была умной и внимательной, щедрой к друзьям и сторонникам, с непринужденными изысканными манерами, она всегда была любезной как с равными, так и низшими по положению.

Все это были характерные черты де Гизов, и вдова Якова V быстро завоевала сердца шотландцев. Она очень быстро стала популярной в среде простого народа и умела превращать людей в своих пламенных сторонников. Эти качества впоследствии проявятся в ее дочери, которая будет похожа на мать и внешне, и характером.

Мария де Гиз унаследовала способности к политике с рождения. Семья де Гизов – в определенной степени парвеню – достигла высокого положения при французском дворе благодаря сочетанию удачных браков и полководческих талантов. При Франциске I они были тесно связаны с триумvirатом, состоявшим из коннетабля Франции Анн де Монморанси, дофина Генриха, наследника трона, и его красивой и умной любовницы Дианы де Пуатье; не меньшим влиянием де Гизы обладали и в церковных кругах. Брат герцога Клода, Жан де Гиз, был главой девяти епископств и шести аббатств. Будучи кардиналом-архиепископом Реймским, он управлял самой важной епархией во Франции, поскольку именно в огромном готическом соборе Реймса короновались французские монархи. Более того, управление епархией де Гизы наследовали – еще до смерти Жана де Гиза

титул перешел ко второму сыну Клода де Гиза, Шарлю, кардиналу Лотарингскому, который получил его в возрасте четырнадцати лет.

Всего у Клода было десять детей, каждый из которых занимал высокое положение в государстве или в церкви. Когда Мария де Гиз вышла замуж за Якова V, ее семья оказалась в центре взаимоотношений между Шотландией, Францией и Англией на целых пятьдесят лет. Причина заключалась в том, что в XVI в. дипломатические договоры скреплялись брачными союзами. Международная политика вращалась вокруг семей, детей, наследственных прав, и в династических кругах родовая принадлежность и наследие были намного важнее религиозной принадлежности.

Мария де Гиз прекрасно понимала свою роль. Она была полна решимости защитить права своей дочери на престол, а также сохранить традиционный «старинный союз» между Францией и Шотландией. Эта женщина привыкла подчиняться велению долга. Самая желанная вдова Франции, в возрасте двадцати одного года она была выбрана Франциском I, чтобы заменить его дочь Мадлен – первую жену Якова V, которая умерла от вирусной инфекции всего лишь через несколько недель после прибытия в шотландский порт Лит. Марии не хотелось покидать Францию, но этого потребовал королевский долг. Она привыкла к несчастьям. Трое из пяти ее детей умерли в младенчестве: один сын от первого мужа (второй мальчик, Франциск, дожил до 1551 г.) и оба сына от Якова.

После замужества и переезда в Шотландию Мария де Гиз регулярно писала своей матери, Антуанетте де Бурбон, женщине властной и расчетливой, которой, как говорят, восхищался даже король Франции. Ее письма свидетельствуют, что она быстро приспособилась к новой жизни. Мария снисходительно относилась к неверности мужа – у него было семь, а возможно, и девять незаконнорожденных детей – и занимала себя тем, что руководила строительными работами в королевских замках и разбивкой садов, где она выращивала невиданные декоративные фруктовые деревья, саженцы которых выписывала из Франции. В Фолклендском дворце, где до сих пор можно увидеть модную по тому времени отделку фасада, она лично инспектировала работы, взбираясь на лестницу, чтобы внимательно рассмотреть сделанное, прежде чем одобрить работу каменщиков. У нее был собственный штат французской прислуги, словно она не допускала даже мысли, что ее горничные могут оказаться шотландками: французы часто отпускали оскорбительные шутки за спинами неотесанных шотландцев. Слуги обожали Марию, и после смерти Якова V часть его домашней

прислуги попыталась перейти к ней, поскольку она платила больше всех остальных.

Формально маленькая Мария стала королевой Шотландии с момента смерти отца. На практике, конечно, это было фикцией. Следовало назначить опекуна или регента, который будет управлять страной до объявления Марии «совершеннолетней» и способной править самостоятельно. Естественно, всех занимала личность регента, поскольку долгий период до совершеннолетия королевы способствовал распрям среди знати. Особенно актуальным это было для Шотландии, где королевская власть была гораздо слабее, чем в Англии или Франции, и монарху приходилось опираться на сети родственных связей лордов, чтобы поддерживать закон и порядок.

Самым надежным способом назначения регента была воля умирающего правителя. Несмотря на то что Яков V не оставил завещания – вероятно, он просто не предполагал, что смерть так близка, – его «последняя воля» была составлена от его имени. За этим проследил кардинал Дэвид Битон, архиепископ Сент-Эндрюса, который имел огромное влияние на короля и был полон решимости сохранить свою власть.

Битон был лидером профранцузской партии и яростным противником протестантской реформации. Он хотел, чтобы Мария стала «опекуном по завещанию», а сам он с тремя союзниками – «хранителями королевства». Его цель заключалась в том, чтобы помешать другому претенденту на трон, Джеймсу Гамильтону, графу Аррану, который придерживался проанглийской позиции и стоял первым в ряду наследников в случае смерти Марии. Арран, в свою очередь, открыто заявлял, что Битон подделал завещание – когда Яков V находился в полубессознательном состоянии, ему якобы дали подписать пустой лист, а потом вписали туда последнюю волю короля.

Лорды избрали Аррана регентом, однако это был не самый идеальный кандидат. Лучшее его качество – умение приспособливаться. Слабый, нерешительный и трусливый, он вдобавок был необыкновенно жадным. Законность его избрания оспаривалась Битоном, однако Арран, будучи внуком старшей дочери Якова II, мог претендовать на регентство по праву крови.

Мария де Гиз не противилась его назначению, однако остерегалась Аррана. Она понимала, что цель его политики – не в защите маленькой королевы, а в исключительной выгоде для себя и своей семьи, верно охарактеризовав его как

«самого непостоянного человека в мире, ведь что бы он ни решил сегодня, на завтра он передумает».

Арран потратил шесть недель на переезд в новые дворцы и окружение себя друзьями и родственниками, которым он назначил содержание. В попытке примирения он предложил Битону одну из высших должностей в государстве – пост канцлера, однако, подтверждая верность оценки вдовствующей королевы, две недели спустя передумал и бросил Битона в тюрьму.

Новый регент был верен шотландским традициям. Он прекрасно понимал, какую роль играет политика насилия в обществе, и поэтому Арран очень быстро захватил все замки Якова V, за исключением Стирлинга, который оставался частью приданого Марии де Гиз и принадлежал лично ей. Затем, обретя еще большую уверенность, он стал отвечать на попытки Генриха VIII повлиять на положение дел в Шотландии.

Генрих был полон решимости переиграть Францию. Он хотел, чтобы Арран поддержал проанглийскую фракцию, которая должна свести на нет французское влияние в Шотландии. Для этой цели английский король собирался использовать пленников, захваченных в битве при Солуэй-Моссе. Война с Францией была уже на пороге. Генрих уже договорился со своим главным союзником в Европе, королем Испании, императором Священной Римской империи Карлом V, что они объединят силы для скоординированного нападения, а затем в случае победы разделят Францию между собой.

Честолюбивые династические планы Генриха распространялись на все Британские острова. Когда Яков V умер, оставив наследницей маленькую дочь, Генрих не преминул использовать и этот шанс. С самого начала своего правления он раз за разом возвращался к претензиям Эдуарда I на права феодального сюзерена на Шотландию. Эту формулу он выучил наизусть. И впоследствии, после ссоры с папой, когда в конечном счете он порвал с Римом, не дававшим разрешения на развод с первой женой – Екатериной Арагонской. Именно тогда у Генриха возникла теория «имперского» правления, предназначенная оправдать его притязания на титул главы английской церкви; более того, в рамках этой теории он видел себя «королем» и «императором» всех Британских островов.

Согласно представлениям Генриха о законе и истории государств, Шотландия, будучи независимым суверенным королевством, должна стать сателлитом

Англии, бриллиантом в «имперской» короне Генриха. Именно претензии Тюдоров на «англо-британскую» империю, когда Мария была еще совсем ребенком, стали причиной ответных претензий на «франко-британскую» империю.

Первым делом Генрих отпустил из Тауэра двадцать три шотландских заложника, затем пригласил их полюбоваться на недавно выстроенный дворец в Хэмптон-Корте, где они стали гостями на роскошном рождественском празднике.

Прежде чем позволить им уехать, король взял с них слово поддержать его династический план. Они должны были подписать обязательство отправить королеву-инфанту в Англию. Предполагалось, что Генрих будет «держателем» Марии при себе, воспитывать ее, а затем выдаст замуж за принца Эдуарда – сына от брака с Джейн Сеймур и наследника престола, которому в то время было всего пять лет. Кроме того, десять самых знатных заложников согласились поддержать претензии Генриха на шотландский трон в случае неожиданной смерти Марии.

В марте 1543 г. сэра Ральфа Садлера был отправлен в Эдинбург в качестве посла Генриха, чтобы оговорить условия перемирия. Главным пунктом был брак Марии и Эдуарда. Девочке было всего четыре месяца, но Генрих не шутил. Такой союз позволил бы ему одним ударом достичь своей цели. Садлер, не знавший, какой ему окажут прием, сначала встретился с Арраном в саду Холирудского дворца в Эдинбурге. Но собеседник все время уклонялся от разговора и казался в принципе плохо информированным. Так и было – отношение Аррана к переговорам было самым примитивным. Его интересовала только собственная выгода. Он требовал взяток и подарков, а также обещаний, что останется регентом и после того, как Генрих добьется своего.

После безрезультатных переговоров Садлер поехал к Марии и ее матери в Линлитгоу. Он хотел лично взглянуть на девочку, потому что Генрих все время спрашивал о ней. Мать согласилась и приказала кормилице «развернуть ее одежды», чтобы малышку можно было осмотреть. Садлер покачал Марию на коленях и сообщил королю: «Я заверяю Ваше Величество, что она самый красивый ребенок ее возраста, которого я видел, и достаточно крепкая, чтобы выжить, да будет на то милость Божья».

Затем Садлер затронул вопрос об обручении Марии с сыном Генриха. К его удивлению, Мария де Гиз благосклонно отнеслась к этой идее, предложила помощь и даже одобрила английский план взять Марию в Лондон для ее

безопасности. Подобная реакция до такой степени противоречила ожиданиям Садлера, что поначалу он даже растерялся. Он подозревал «игру» – и конечно, был прав. Мария де Гиз притворялась. Но у нее была ясная цель, которая по истечении времени стала очевидна всем. Мария де Гиз в первую очередь защищала интересы Франции и де Гизов. А если Арран пытался оттеснить ее, ведя переговоры с Англией у нее за спиной, она посчитала возможным сделать вид, что готова к союзу с Англией, внушив Садлеру ложное чувство уверенности и обойдя Аррана, который всегда будет находиться в невыгодном положении, поскольку не является опекуном маленькой королевы.

У Марии де Гиз были веские основания подозревать Аррана, который оборвал ее каналы связи с Францией. Он внедрил шпионов в штат ее прислуги и перехватывал все ее письма. Тем не менее она смогла получить одно послание от своей матери. Антуанетта де Бурбон узнала о трудностях дочери 10 июня и сразу же обратилась к своим сыновьям, входившим в число придворных Франциска I, с просьбой повлиять на короля Англии, чтобы помочь Марии.

Арран, в свою очередь, решился заключить союз с Генрихом VIII, и все действия его после ареста Битона были направлены на ослабление профранцузской партии. Чтобы упрочить связи с английским королем, регент неожиданно выпустил заявление в поддержку разрыва Генриха VIII с Римом и роспуска монастырей. Действия Аррана выглядели тем более странными, что сам он оставался католиком и признавал власть папы. Однако, защищая свои интересы, он оказался между двух огней – профранцузской и проанглийской фракциями лордов, численность которых была примерно равна. И это оказался самый подходящий момент для решительных действий.

Очаровывая и развлекая Садлера, посла Генриха VIII, Мария де Гиз показала себя искусным политиком. В ее голове созрел план. Она перевезет дочь из Линлитгоу, красивого, но неспособного выдержать осаду дворца, в свой замок Стирлинг – практически неприступную крепость на вершине отвесной скалы, в непосредственной близости от побережья, что также позволяло восстановить сообщение с Францией по морю.

Она уже послала верного слугу в Стирлинг с сундуками, наполненными одеждой и домашней утварью. За ними последовала мебель, серебряные блюда, столовая посуда, постельное белье, сушеные продукты питания и кухонные принадлежности, горшки, сковороды и шампуры для мяса.

При этом Арран настаивал, чтобы никто не покидал Линлитгоу. Мария де Гиз с легкостью проигнорировала его приказ, блестяще разыграв свои карты. Она пересказала Садлеру слухи, что Арран не намерен выдавать Марию замуж в Англии и собирается отправить девочку на юг, чтобы получить награду для себя и своих союзников, а затем нарушит слово и будет держать пленницу в Шотландии, до смерти Генриха VIII, а затем попытается узурпировать шотландский трон. Мария де Гиз убеждала Садлера, что об этом необходимо сообщить Генриху, но не раскрывала источников – в противном случае ей самой и ее дочери грозила опасность.

И в Англии, и во Франции само упоминание о том, что может или не может произойти в будущем, когда и если король умрет, трактовалось как заговор против короля и было серьезным преступлением. Считалось, что подобные разговоры делают смерть короля более вероятной, и данное преступление, называвшееся «воображаемой или замышляемой» смертью короля, приравнивалось к государственной измене и каралось смертью. Садлер должен был дистанцироваться от Аррана, если тот действительно замышлял подобное. В противном случае его самого могли причислить к сообщникам.

Но и это еще не все. Арран планировал выдать вдовствующую королеву за собственного сына. Генрих VIII мог помешать этим планам, приказав Аррану отпустить Битона, которого обвиняли в подделке завещания и который должен был сменить Аррана на должности регента. В отличие от своих врагов кардинал «лучше позаботится о пользе королевства».

Это был классический блеф. Мария де Гиз клеветала на Аррана, основываясь на своем невысоком мнении о его характере. Она понимала, что идет смертельная схватка за опекунство над ее дочерью, и была полна решимости заручиться поддержкой Садлера в своем намерении укрыть Марию в замке Стирлинг. И Садлер, который теперь совсем не доверял хитрому и нерешительному Аррану, поддался обману.

Были и другие причины, почему Садлер поверил Марии де Гиз. Интриги ее матери при французском дворе возымели действие, и Франциск I решил вмешаться. Он хотел помешать Генриху VIII и отвлечь его от планов вторжения во Францию. В Париже пошли разговоры, что герцог де Гиз готовится к высадке в Шотландии. Говорили, что он уже получил приказ, и Садлеру нужно только точно узнать, что происходит и каковы истинные намерения французов.

В конечном счете герцог так и не появился. Франциск I отменил свой указ и вместо де Гиза отправил на переговоры в Шотландию ссыльного шотландского лорда, молодого Мэтью Стюарта, графа Леннокса. Это беспокоило Садлера в не меньшей степени. Леннокс, глава младшей ветви рода Стюартов, принявший французское подданство, оказывался первым претендентом на регентство в случае отстранения Аррана. В апреле граф Леннокс высадился в Дамбартоне, цитадели его предков на северном берегу Клайда, и сразу же направился к Марии де Гиз.

На политической арене она превратилась в центральную фигуру. Независимо от того, верил Садлер ее льстивым речам или нет, он был заинтересован в том, чтобы иметь к ней постоянный доступ.

Арран, в свою очередь, пытался перехватить инициативу у Садлера, но его положение резко ухудшилось, когда группа лордов, преимущественно католиков, объединилась вокруг Леннокса, а Битон смог сбежать из заточения. После того как Леннокс вернулся в Шотландию, Генрих VIII заподозрил заговор с целью выкрасть маленькую Марию и перевезти ее в Дамбартон. Он приказал Аррану собрать войско и без промедления доставить Марию в «безопасное» место, Эдинбургский замок.

Но Арран пребывал в растерянности. Понимая свою слабость, он в конце апреля на время присоединился к Ленноксу. Многие его союзники не поддерживали обручение Марии с сыном и наследником Генриха VIII. Для них это было неприемлемо, и Леннокс воспользовался этим. В конечном счете Арран заявил Садлеру, что условия англичан неприемлемы и «каждый мужчина, женщина и ребенок в Шотландии скорее умрет, чем согласится на них».

Генрих VIII выдвинул ультиматум: если Арран откажется от английского династического плана, война неизбежна. Шантаж Генриха вызвал сильнейшее возмущение. Тем не менее 1 июля 1543 г. был заключен Гринвичский договор, согласно которому английский король получал желаемое. Мария должна была оставаться в Шотландии до десятилетнего возраста, после чего выйдет замуж за английского принца Эдуарда. Ее приданое, выплачиваемое Генрихом, составляло 2000 фунтов в год и автоматически удваивалось, если она станет супругой правящего короля Англии.

Остальные статьи договора были результатом компромисса. До замужества воспитанием Марии должны заниматься шотландцы, однако Генрих в целях

«лучшего воспитания» имеет право за свой счет отправить английского дворянина с женой или иной спутницей и сопровождающими, числом не более двадцати, которые будут жить с девочкой. Этот пункт предназначался для того, чтобы родным языком для Марии стал английский, а не шотландский или французский.

Но Генриху пришлось пойти на уступки, поскольку он торопился заключить договор, чтобы полностью сосредоточиться на планируемом вторжении во Францию. Для достижения быстрого результата король согласился на условия, гарантирующие независимость Шотландии. Ключевая статья договора подтверждала, что страна «продолжит называться королевством Шотландия и сохранит свои древние законы и вольности». Однако шотландцы также настояли, что, если брак окажется бездетным, Мария имеет право вернуться домой как суверенная королева. Это должно было стать династической «унией» Англии и Шотландии, но с выхолощенной династической сутью.

Мария де Гиз ликовала; лазейки в договоре были очевидны. Арран запаниковал. Он предупредил Садлера, что за маленькой Марией следует внимательно наблюдать, поскольку она «немного беспокоится из-за прорезывающихся зубов». Но даже Садлер не был таким доверчивым. В письме Генриху VIII он попытался предположить, почему Арран вдруг захотел защитить Марию, «будто это был его ребенок». Разумеется, Аррану было невыгодно и больше всего он боялся, что Марию тайно переправят во Францию и отдадут на воспитание де Гизам.

Гринвичский договор оказался мертворожденным с самого начала. Мария де Гиз и не собиралась его соблюдать; период, пока шли переговоры, она использовала для того, чтобы «поставить на место» Аррана и Генриха VIII и выиграть время для формирования новой, более сильной коалиции. Только спустя время ее истинные намерения стали очевидными, когда она заключила союз с профранцузски настроенными Битоном и Ленноксом, объединенные силы которых подошли к Линлитгоу 24 июля. Там был подписан бонд[5 - Бонд - феодальный договор или контракт, обещающий верность, поддержку, защиту и службу, обычно пожизненный. - Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.] о предотвращении передачи Марии в Англию и взаимопомощи при защите от проанглийски настроенного Аррана.

Два дня спустя появился сам Арран, но с гораздо меньшим отрядом. С этого момента его капитуляция стала неизбежной. Садлер уже дал согласие на переезд Марии в Стирлинг, под охрану группы шотландских дворян, официально

назначенных парламентом. Мария де Гиз теперь добилась того, чтобы ее дочь перевезли туда при совсем других обстоятельствах.

Ребенок с матерью отправились в замок 27 июня. В этом опасном путешествии Леннокс предоставил королевским особам своих телохранителей, а армия из 2500 всадников и 1000 пехотинцев охраняла обоз с багажом, растянувшийся почти на милю. Совсем маленькая Мария путешествовала с такой пышностью, которую потом будет воспринимать как должное.

Замок Стирлинг, куда всегда стремилась Мария де Гиз, стал их домом на следующие четыре года. Это было вполне подходящее жилище – большой зал и роскошные королевские апартаменты были обновлены в ходе масштабной реконструкции замков по указу королевы. Только в большом зале за ужином могли разместиться более трехсот человек.

Через две недели после переезда Садлера пригласили на аудиенцию. Мария де Гиз по-прежнему скрывала свои истинные мотивы, но посол не мог понять почему. Она заявила, что не отменила своего разрешения увезти Марию в Англию для «безопасности». И только двуличие Аррана помешало ей это сделать. Она надеялась, что теперь, вырвавшись из когтей регента, она осуществит свои истинные намерения: «с готовностью» отдаст Марию лицам, которых назначит Генрих, если он еще не передумал.

Но эта беседа нужна была ей лишь для того, чтобы выиграть время. Садлера, который всегда был равнодушен к детям, отвели посмотреть на подрастающую Марию. В его записях сохранилось: «Она скоро превратится в женщину, если только пойдет в мать». Девочка недавно болела ветрянкой, но уже поправилась, и, как отмечает Садлер, она была «довольно красивым и здоровым ребенком».

Но его снова провели. Переезд Марии в Стирлинг для ее матери стал одновременно началом и концом задуманного. Арран, всегда умевший приспосабливаться к обстоятельствам, решил сократить потери и помириться с соперниками. 3 сентября регент покинул Эдинбург, якобы для того, чтобы навестить больную жену, но вместо этого тайно встретился с Битоном в Фолкерке. Они обнялись и поехали в Стирлинг, где Арран раскрыл все детали своих переговоров с Генрихом VIII и объявил о своей поддержке Реформации.

8 апреля он согласился пересмотреть условия своего регентства, обещая частично отдать власть Битону и следовать рекомендациям регентского совета, состоявшего из представителей профранцузской и проанглийской фракций и возглавляемого самой Марией де Гиз. Результатом стало примирение дворян, которые единым фронтом выступили против агрессии Генриха VIII.

Наступил час кульминации. На следующий день – по иронии судьбы это была тринадцатая годовщина битвы при Флоддене – торжественная процессия проследовала из детской в примыкающую королевскую часовню, где Марию короновали как королеву Шотландии. Значение этого события трудно было переоценить. Коронация являлась самым серьезным ритуалом из всех известных церкви и государству: этот ритуал был священным и придавал монарху как религиозную, так и гражданскую легитимность и неприкосновенность. Церемония превратила девятимесячного ребенка в коронованную особу, обладавшую священной властью, которую может даровать только Бог и за которую придется отвечать только перед Богом.

Во время торжественной процессии Арран нес корону, Леннокс – скипетр, а граф Аргайл, самый могущественный из шотландских лордов и зять Аррана, – церемониальный меч. Королевские регалии, которые носят название «шотландских реликвий» и которые по сегодняшний день демонстрируются в Эдинбургском замке, были собраны Яковом IV и его сыном в неустанных попытках повысить престиж своей страны. Все вместе они впервые были использованы именно в этот день. Корона, которую первый раз надел Яков V на коронации Марии де Гиз, для ребенка была слишком большой и тяжелой. Ее держал над головой Марии Битон, в полном кардинальском облачении. Он благословил девочку и помазал ее миром. Она громко заплакала и продолжала плакать, пока все присутствующие епископы и пэры по очереди преклоняли колена и произносили клятву верности королеве.

По традиции на церемонии коронации герольды зачитывали родословную монарха с перечислением всех титулов и званий, что занимало не менее получаса. Но ввиду энергичных протестов Марии эту часть пришлось опустить. Бросалось в глаза отсутствие лордов из проанглийской фракции, но в остальном день прошел «со всей торжественностью» и закончился банкетом, маскарадом, драматическими представлениями и другими развлечениями в большом зале, за которыми последовали «танцы перед королевой со знатными лордами и французскими дамами».

Коронация Марии стала завершением важных перемен, начавшихся после того, как ее мать впервые обратила внимание на посла Генриха VIII. Это событие ознаменовало полную смену баланса власти. Проанглийски настроенные лорды потеряли влияние, а Арран примирился с Битоном, который занял должность регента. Гринвичский договор был практически отвергнут: в Шотландии брала верх профранцузская фракция.

Генрих VIII сыграл в открытую и проиграл. Но он извлек важный урок. Никогда в жизни, постоянно повторяя король, он больше не будет верить шотландцам. Под бдительным оком матери Мария взошла на трон. И если она сама теперь стала королевой, то ее мать, вне всякого сомнения – «творцом королей»[6 - «Творец королей» (англ. Kingmaker) – термин, означающий человека или группу лиц, которые оказывают большое влияние на то, кто придет к власти, но при этом сами прийти к власти не могут. – Прим. ред.]].

2

«Грубые ухаживания»

Когда Мария де Гиз приводила в исполнение свой план коронации дочери, она понимала, что потом передышка будет очень короткой. Арран и Леннокс были соперниками за престолонаследие. Их семьи исстари враждовали друг с другом, и было невозможно поверить, что они смогут остаться союзниками надолго. Еще до того, как Арран согласился поделиться властью с кардиналом Битоном и восстановил его в должности, Леннокс уже начал проявлять недовольство. В любом случае примирение Аррана с Битоном было лишь прелюдией к его попытке вернуться. Мария де Гиз знала, что должна сохранить его поддержку своей профранцузской политики до тех пор, пока парламент официально не отменит Гринвичский договор.

В этой ситуации приятное можно было совместить с полезным. После коронации Марии ее мать могла позволить себе развлекаться и веселиться. Едва большой зал замка Стирлинг успели привести в порядок после торжеств по случаю коронации, как наступил день рождения Марии де Гиз. Ей было всего двадцать восемь. Как писал хроникер, несмотря на позднюю осень, королевский двор был подобен двору «Венеры и Купидона в начале мая, с танцами, пением, играми и

весельем... и никто там не знал устали».

Такое времяпрепровождение имело и политическую подоплеку, поскольку Мария де Гиз, которая была всего на год старше Леннокса и оставалась одной из красивейших женщин Шотландии, планировала добиться его верности посулами о возможном браке. Она верно оценила его амбиции. Вскоре эта мысль настолько овладела Ленноксом, что ему уже было все равно, где жениться, в Шотландии или в Англии, лишь бы брак приблизил его к короне.

Леннокс был строен и изящен, а также очень умен, хотя и двуличен – «сильный, пропорционально сложенный мужчина, крепкий, мужественного вида». Высокий и подтянутый, он был воплощением изысканности и «производил чрезвычайно приятное впечатление на дам». Его тактичность очень ценили во Франции, где он служил лейтенантом *garde e cossaise* – королевских гвардейцев.

Его соперником в любви, хотя и уступавшим ему в родовитости, был Патрик Хепберн, граф Босуэлл, высланный когда-то Яковом V в Венецию и Данию за строптивость и совсем недавно вернувшийся в Шотландию. Его предками были лорды Хейлсы из Ист-Лотиана, богатого региона Шотландской низменности к юго-востоку от Эдинбурга. Его дед отличился на поле брани и получил от короля графский титул и замок Босуэлл в Южном Ланкашире. Впоследствии он обменял этот замок на Хермитедж, изолированную приграничную цитадель на реке Хермитедж в Лиддесдейле, на полпути между Хоиком и Карлайлом, рядом с «пограничным краем». Этот обмен превратил Хепбернов в могущественных землевладельцев. Крепость Хермитедж занимала ключевое положение, поскольку позволяла контролировать западный и центральный участок границы с Англией. Яков IV также пожаловал семье замок Кричтон в 11 милях к юго-востоку от Эдинбурга, что позволило Хепбернам укрепить свои позиции при дворе и в парламенте.

Патрик был патриотом Шотландии – за французов и против англичан, – но также оппортунистом, заигрывавшим с Англией, когда ему это было выгодно. Ходили слухи, что он незаконнорожденный сын короля. Скорее всего, это не так, хотя его мать короткое время была любовницей Якова IV. В результате Патрик унаследовал титул лорда-адмирала, что было очень выгодно – должность давала право на имущество всех кораблей, потерпевших кораблекрушение у берегов Шотландии, что делало Хепбернов одним из немногих знатных семейств, финансово независимых от короля. Кроме того, Патрик был шерифом Эдинбурга, что увеличивало влияние семьи среди юристов Сессионного суда и парламента.

Хепберны защищали ценности рыцарства и войны. Себя они считали «людьми чести», что в их глазах оправдывало дуэли и даже предательство – в качестве самозащиты. Их кодекс чести был распространен среди военных на континенте и в Ирландии, но отвергался гражданскими чиновниками и дипломатами. Садлер, посланник Генриха VIII, описывал Патрика как «самого тщеславного и кичливого человека в мире, исполненного гордости и глупости и никем не уважаемого». То же самое он мог бы сказать о Ленноксе, за исключением того, что ценности у Леннокса были гражданскими, основанными на изысканных манерах и вежливости: свое вероломство он прикрывал аристократическими манерами.

Патрик был рыжеволосым, белокожим, среднего телосложения и слегка сутулым. Улыбка его была широкой, а держался он уверенно. Подобно Ленноксу, он умел очаровывать женщин. У него было множество любовных связей, и он не испытывал угрызений совести, бросив жену ради того, чтобы претендовать на руку матери маленькой Марии. Пользуясь связями в католической церкви, Патрик аннулировал свой брак, но его дети при этом остались законными.

Леннокс и его соперник полагали, что тот, кто станет отчимом Марии, сможет сместить Аррана с должности регента и править страной от имени маленькой королевы. Поэтому они следовали за ее матерью из Стирлинга в Эдинбург и обратно, пытаясь, словно петухи, привлечь ее внимание. Они танцевали, пели, декламировали стихи. Они участвовали в состязаниях по стрельбе и рыцарских поединках, носили самую модную одежду, оплачивая огромные счета в ювелирных и галантерейных лавках Эдинбурга. Они сопровождали Марию де Гиз в Сент-Эндрюс, где вдовствующая королева гостила в замке Битона. Она же обращалась с обоими мужчинами так, как подобает женщине, овладевшей искусством куртуазной любви, поощряя их, но не предлагая «ничего, кроме комплиментов».

Патрик попытался сократить путь, распространив слух, что она обещала выйти за него. Леннокс посчитал это правдой и удалился в свою цитадель в Дамбартоне. Обидевшись, он решил перебраться на другую сторону и попросил у Генриха VIII руки племянницы короля, леди Маргариты Дуглас, дочери его сестры Маргариты, вдовы Якова IV, от второго брака с графом Ангусом. Он также рассчитывал на помощь Генриха в восстановлении «права и титула» регентства в Шотландии, которое, по его утверждению, было узурпировано Арраном. Его просьба порадовала Генриха, увидевшего в Ленноксе замену Аррану, который в этот период перебрался к Битону.

Кульбит Леннокса нарушил баланс между фракциями дворян в Шотландии. Теперь сила была на стороне проанглийской, а не профранцузской группировки. В попытке противостоять этому Франциск I выполнил обещание, данное семье Гизов. В октябре 1543 г. шесть французских кораблей вошли в реку Клайд и причалили в Гриноке. На борту были новые французские послы – Жак де ла Бросс и Жюль де Менаж, которые привезли деньги и пушки в помощь Марии де Гиз и ее сторонникам.

Флотилия подошла к Дамбартону, где Леннокс слишком переоценил свои возможности. Он захватил деньги послов и большую часть артиллерии. И патовой ситуации удалось избежать только после предупреждения, что он, будучи подданным Франции, может быть обвинен в предательстве. Ленноксу пришлось подчиниться и вернуться в Стирлинг, где он снова ненадолго примирился с профранцузской фракцией.

Ла Бросс должен был использовать выделенные ему деньги для подкупа самых влиятельных лордов. Сумма 59 000 «экю с солнцем» была очень внушительной, в сравнении это намного больше, чем доходы Якова V за последний год его правления. Шестеренки шотландской политики лучше всего смазывались деньгами, и, когда в декабре вновь собрался шотландский парламент, ему потребовалось меньше недели, чтобы снять все предъявленные Битону обвинения и от имени королевы-инфанты Марии объявить о восстановлении «старинного союза» между Шотландией и Францией.

Затем парламент денонсировал Гринвичский договор и разорвал брачный контракт между будущими правителями Шотландии и Англии. Отказ от договора привел Генриха VIII в ярость. По словам ла Бросса, король угрожал всем расправой, словно проиграл крупное сражение.

Мария де Гиз ликовала. Восстановление «старинного союза» было ее личным триумфом. Она весело провела Рождество вместе с дочерью в шумном и многолюдном Стирлинге. Роскошным развлечениям для послов не было предела – музыка, танцы, пиры. Мария де Гиз даже выиграла сто фунтов у Аррана за карточным столом.

Но Леннокс по-прежнему имел на нее виды и был опасен. 21 марта 1544 г. он встретился с Марией де Гиз в последний раз. Она не собиралась делать его отчимом своей дочери, и наконец прямо сказала ему об этом. Он удалился, едва

сдерживая ярость, а неделей позже отплыл в Англию, где подписал обязательство жениться на Маргарите Дуглас. Этим поступком, равносильным формальному обязательству, он обещал бороться за династическую унию между Англией и Шотландией и управлять Шотландией, если станет регентом, в интересах английского короля, с которым он связывал собственные претензии на шотландский трон.

29 июня в присутствии Генриха VIII и Екатерины Парр, его шестой и последней жены, был проведен обряд венчания Леннокса и Маргариты Дуглас. Приданое для невесты выделил Генрих, пожаловавший супругам обширные поместья в Йоркшире.

Но еще до свадьбы Генрих решил отомстить шотландцам. Он был так разгневан разрывом договора, что угрожал жителям Эдинбурга «изничтожить» их «до третьего и четвертого колена», если они не подчинятся. Разъяренный тем, что он считал гнусным предательством, король опасался, что Марию могут отправить во Францию, где она окажется вне пределов досягаемости.

Пока Леннокс раздумывал, как лучше разыграть свои карты, английский король собирал войско для вторжения в Шотландию. Это походило на паранойю, но Генрих не только готовил самое большое вторжение со времен правления Эдуарда I, но даже составил черный список шотландцев, которых необходимо убить. Главной мишенью этого плана был Битон, поскольку Генрих обвинял скорее его, а не Марию де Гиз в том, что Арран покинул проанглийскую фракцию. Вскоре Садлер, сам сторонник Реформации, уже искал врагов Битона из числа протестантов, проникая в их тайные сети, чтобы оценить возможность заговора.

Целью вторжения Генриха VIII было принудить шотландцев вновь принять те статьи Гринвичского договора, в которых речь шла о династическом браке. Именно поэтому впоследствии об этом говорили как о «грубых ухаживаниях» за Марией Стюарт. Кампания началась в первую неделю мая, а войском командовал Эдуард Сеймур, граф Хартфорд, дядя наследного принца Эдуарда.

Поскольку Генрих уже наметил летнее вторжение во Францию в союзе с испанским королем Карлом V, возникала угроза войны на два фронта. Чтобы избежать этого, Генрих дал Хартфорду на выполнение шотландской миссии только месяц, который затем был сокращен до трех недель. Граф должен был осадить город и крепость Эдинбург, разрушить порт Лит в самой глубокой

гавани залива Ферт-оф-Форт, который служил воротами в Эдинбург, а затем повернуть в центральную часть Шотландской низины между Эдинбургом и Стирлингом. Разорив эти земли, английскому войску следовало двинуться в Файф – житницу Шотландии, где ему было приказано «распространить такие же бедствия и разрушения на все его города и деревни», и особенно цитадели Битона в Сент-Эндрюсе.

Хартфорд выбрал морской путь – он прибыл в Ферт-оф-Форт и в составе отряда в полторы тысячи человек высадился в Грантоне, приблизительно в двух милях позади Лита. Начав наступление на город, он обнаружил шесть сотен шотландцев, выстроившихся по внутреннему берегу реки Уотер-оф-Лит, стратегической позиции для защиты Эдинбурга с севера. Силами шотландцев командовали Арран, Битон и Патрик, граф Босуэлл, но после получасового сражения войска были разгромлены и бежали с поля боя.

Как бы то ни было, Хартфорду не удалось захватить Эдинбургский замок. Практически неприступная цитадель была усилена артиллерией, и всякий, кто пытался приблизиться к замку, оказывался под ее огнем. Поэтому был отдан приказ не штурмовать замок, а разграбить и сжечь сам город и его окрестности. Пожары бушевали три дня; почти все дома и церкви внутри городских стен были разорены и разрушены. Были разграблены Холирудский дворец и соседнее аббатство Эбби-Кирк. Один отряд был отправлен в Файф, где сжег Кингхорн и деревни вокруг Керколди. Времени оставалось мало, а войску Хартфорда так и не удалось приблизиться к Сент-Эндрюсу меньше чем на 20 миль.

Во время этих ужасных событий Марию защищали высокие стены Стирлинга. Садлер узнал, что приставленная к ней охрана, жизнью отвечавшая за ее безопасность, при необходимости перевезет ее в горы, где «добраться до нее не будет никакой возможности». Хартфорд двинул свое войско в центр Шотландской низменности. 15 мая он сообщил, что регион разграблен «до шести миль от Стирлинга», а на следующий день Лит сровняли с землей. В результате Марию перевезли в Данкелд, который находился чуть меньше чем в 30 милях к северу от Стирлинга, откуда открывался прямой путь в горы. Там она была в безопасности, пока время, отведенное Хартфорду, не закончилось.

Граф получил приказ возвращаться на юг, чтобы переправить свое войско в Кале для начала французской кампании. Хартфорд направился вдоль восточного побережья в Берик, сжигая по пути все торговые города, уничтожая все укрепленные замки, деревни, церкви и дома.

Для Шотландии это стало полной катастрофой, и обвинили в ней Аррана. Он в большей степени, чем Битон, отвечал за положение дел в стране. Дворяне настаивали, чтобы он разделил полномочия регента с Марией де Гиз. Ее популярность выросла на том, что профранцузская политика стала фактически синонимом избавления Шотландии от «старинного врага» – Англии. На Марию де Гиз не возлагали ответственности за беды и несчастья, которые обрушил на головы простых людей Генрих VIII. Казалось, что она одна принимает беды и несчастья Шотландии близко к сердцу. Совершенно очевидно, что ключ к союзу с Францией находился в руках ее семьи: без нее Франциск I вряд ли стал бы защищать Шотландию от Англии.

Мать маленькой Марии понимала, что ей представилась благоприятная возможность. Она хотела быть единственным регентом маленькой королевы, а не соправителем. Арран был резко против подобного распределения политических сил, и в итоге каждая из противоборствующих сторон собрала свой парламент. Патовая ситуация продолжалась несколько месяцев. В конечном счете Битон добился компромисса – Арран согласился прислушиваться к «пожеланиям и советам» вдовствующей королевы. В результате чего Мария де Гиз смогла регулярно присутствовать на заседаниях Тайного совета и парламента, где всегда старалась поддерживать видимость союзничества, одновременно изо всех сил втягивая Шотландию на орбиту Франции.

Ее настроение, несколько омраченное этим неприятным компромиссом, улучшилось после военной победы в феврале 1545 г., когда английский экспедиционный отряд переправился через реку Туид, намереваясь разграбить древний город-аббатство Мелроуз и его величественную церковь. На обратном пути англичане попали в засаду, устроенную небольшим шотландским отрядом, и потеряли много людей пленными. В тот момент неудача подорвала престиж англичан, и Генрих VIII временно стал уязвимым. Как ни странно, это совпало с его военным успехом во Франции, где Генрих захватил Булонь и уверенно защищал город от неприятеля. Но для того, чтобы закрепить успех, которым он так гордился, Генриху необходимо было продвигаться дальше вглубь Франции, что, конечно, связывало ему руки. Англия, которая была гораздо сильнее Шотландии, значительно уступала Франции и по военным и по финансовым ресурсам. Генриха покинул его главный союзник, Карл V, заключивший сепаратный мир с Франциском I, и английский король был вынужден сражаться в одиночестве, залезая в огромные долги и напрягая все силы.

В Париже в шотландских делах главную роль стал играть дофин Генрих. Вместе с семейством де Гиз он поздравил мать маленькой Марии с успешной победой над английским отрядом и предложил дополнительную помощь. В мае 1545 г. свежие подкрепления были готовы высадиться на шотландский берег, а для шотландских лордов были выделены новые субсидии. Казалось, все складывается относительно удачно. Когда Жак де Лорж, граф де Монтгомери, который возглавлял экспедицию, узнал, что Мария де Гиз «испытывает недостаток в винах», он приказал доставить ей партию «добрых» напитков.

Подмога шотландцам и вдовствующей королеве прибыла через месяц. Другой вопрос, была ли поддержка Франциска I искренней. По всей видимости, на берег высадились не более пяти сотен человек. Кроме того, произошла еще одна неприятная история. Чтобы заплатить своим солдатам, Франциск приказал расплавить 10 000 золотых «эку с короной» и смешать золото с медью и свинцом для чеканки 150 000 крон. Обесцененные монеты выдали людям Лоржа, но обман стал очевиден с момента высадки, и осторожные торговцы Эдинбурга отказывались принимать фальшивые деньги.

По мере того как кампания в Булони подходила к концу, у Генриха крепла решимость снова заняться Шотландией. В сентябре он снова отправил по ту сторону границы Хартфорда, чтобы тот продолжил «грубые ухаживания». Покинув свою базу в Ньюкасл-апон-Тайн, Хартфорд вывел двенадцатитысячное войско к Берикку, отдохнул там три ночи, а затем углубился приблизительно на 20 миль на шотландскую территорию через холмистую местность в направлении Келсо. Оттуда он снова повернул на юг к Джедборо, сжигая и разоряя все, что попадалось ему на пути, и наводя ужас на местных жителей.

Затем его войско прошло по приграничным деревням, огнем и мечом уничтожая все на территории площадью почти 200 квадратных миль. В самом начале Хартфорд заявил, что и этот поход будет не менее разорительным, чем предыдущий, а в конце хвастался, что нанес Шотландии в два раза больший ущерб. Но в этот раз вторжение оказалось не таким катастрофическим, как в предыдущий его поход. Хартфорд все-таки не решился далеко отходить от границы, опасаясь прибывшего из Франции подкрепления.

Тем временем Генрих VIII начал дипломатические переговоры с Францией. Одним из главных вопросов на переговорах была Шотландия. Последний его гамбит заключался в следующем: вернуть Булонь Франциску I в обмен на брак Марии и принца Эдуарда. Следующей весной Хартфорд отправился в Париж,

чтобы возобновить переговоры. Финансы обоих королевств были истощены, и поэтому было решено заключить временное перемирие, в том числе и в Шотландии. Это дало обеим сторонам возможность перевести дух, если бы не случилось непредвиденное.

29 мая 1546 г. был убит Битон. Тремя месяцами ранее фанатичный архиепископ приказал сжечь Джорджа Уишарта. Лидера протестантской реформации привязали веревками к столбу, а к телу прикрепили мешки с порохом, чтобы устроить из казни красочное шоу. Сожжение еретиков у католиков было так же непопулярно, как и у протестантов, и устроенный Битоном спектакль обратился против него.

Убийцы, группа лэрдов из его родного Файфа, возмущались в основном самоуправством Битона. Ничего в графстве не делалось без его указания, и главный заговорщик Норман Лесли, шериф Файфа, оспаривал его юрисдикцию. В разгоревшемся конфликте его поддержали друзья. Садлер, посланник Генриха VIII, был напрямую вовлечен в заговор. Не решаясь открыто заявить о безусловной поддержке со стороны Англии, он снабжал заговорщиков деньгами, поскольку считал, что со смертью Битона профранцузская фракция распадется.

Между пятью и шестью часами утра группа убийц прибыла к главным воротам замка Сент-Эндрюс. Они собирались проникнуть внутрь замка под видом каменщиков, где к ним должны были присоединиться и другие участники заговора. Заговорщики не тронули Мэрион Огилви – любовницу Битона и мать восьмерых его детей, она спокойно покинула замок через боковые ворота, как делала всегда, отправляясь за покупками. Оказавшись внутри стен, заговорщики отобрали ключи у привратника. Затем Норману Лесли удалось проникнуть во внутренний двор, где он приказал слугам и рабочим уйти, а сам поспешил запереть боковые ворота, на тот случай, если Битон выберет для спасения этот путь.

Битон услышал шум и попытался бежать, но увидев, что путь перекрыт, вернулся в спальню и забаррикадировал дверь. И все время, пока люди Лесли жгли тяжелую дверь в комнату, Битон молился в кресле. Но это не произвело должного впечатления на заговорщиков, которые прочли над жертвой целую проповедь, призывая «подлого паписта» раскаяться, и все равно закололи его. Его последними словами были: «Все пропало». В назидание Норман Лесли повесил обнаженное тело на стене замка, связав две простыни в качестве веревки, на всеобщее обозрение.

Когда люди собрались посмотреть на это зрелище, какой-то человек по имени Гутри «помочился» в открытый рот Битона. Но на этом издевательства над телом архиепископа не закончились, «кастильцы»[7 - От англ. castle - «замок».] , как прозвали заговорщиков, вынужденных запереться в замке, чтобы спастись от властей, засыпали труп солью, облили свинцом и засунули в ящик, напоминая своей формой бутылку. Тело могли просто сбросить в море с задней стены замка, но, поскольку именно в этой тюрьме Битон держал друзей заговорщиков, была придумана такая изощренная месть. Необычная тюрьма замка считалась одной из самых страшных в Европе, бежать из нее можно было только через горлышко «бутылки», для чего снаружи требовалось спустить веревку или лестницу. А поскольку тюрьма была выдолблена в скале ниже уровня моря, внутрь постоянно долетал рев волн[8 - Тюрьма в форме бутылки теперь превращена в аттракцион для туристов.]. Подобного рода тайные заговоры полностью соответствовали клановой традиции кровавых междоусобиц.

Генрих VIII был вне себя от радости. Он отнесся к убийству как к прорыву в его кампании по разгрому «старинного союза». Но король жестоко ошибался. Несмотря на свои действия, Битон проводил умеренную политику и выступал за брак маленькой шотландской королевы с наследником английского трона. Теперь общественное мнение еще сильнее качнулось в пользу Франции.

Лорды поспешно собрались на совет и вместо Битона избрали на пост канцлера графа Хантли, главу клана Гордонов, влиятельной католической и профранцузски настроенной семьи из восточных областей горной Шотландии. Несколько проанглийских лордов воспользовались этой возможностью, чтобы перевернуться на сторону оппонентов. В самом Файфе настроения жителей резко изменились: те землевладельцы и арендаторы, которые помогали «кастильцам», почти мгновенно из героев превратились в объект стихийной расправы.

Единственное, что не удалось Аррану, – это захватить замок Сент-Эндрюс. Он приступил к восемнадцатимесячной осаде, крепость снабжалась припасами со стороны моря, и Генрих VIII отправлял заговорщикам провиант и амуницию из самой Англии. Когда люди Аррана попытались пробить туннель через сплошную скалу и заложить мину, им помешал один из трех противоминных туннелей, проложенный «кастильцами».

Неудача разозлила Марию де Гиз. Она уже была раздражена неискренней «помощью» Франциска I, возмутительным фактом выплаты жалованья войскам Лоржа фальшивыми монетами. Она требовала от французской армии взятия замка Сент-Эндрюса и наказания «кастильцев».

События стали развиваться с головокружительной скоростью, вызывая противоречивые чувства. В январе 1547 г. умирает Генрих VIII, а два месяца спустя – Франциск I. Эти титаны на протяжении тридцати лет определяли положение дел на Британских островах и на севере Европы. Внезапно образовавшийся вакуум поспешили заполнить граф Хартфорд и семья де Гиз.

Сыну и наследнику Генриха VIII, Эдуарду VI, на момент смерти короля было всего девять лет. До достижения королем восемнадцатилетнего возраста для управления страной требовался регент, или лорд-протектор (так эта должность называлась в Англии), но Генрих не хотел отдавать такую власть в руки одного человека. Вместо этого в своем завещании он назначил регентский совет, который будет править Англией до достижения сыном совершеннолетия. Вопреки воле усопшего монарха, граф Хартфорд через неделю назначил себя герцогом Сомерсетом и стал править в качестве лорда-протектора: его главной целью оставалось реализовать план Генриха VIII и вынудить Шотландию принять денонсированный Гринвичский договор, объединив два королевства династическим браком Марии и Эдуарда. Этим и объясняется его помощь «кастильцам».

Один из первых его указов предписывал заключить с ними союз, назначить пособия и жалованья, а также поставлять продовольствие и амуницию в Сент-Эндрюс.

В этот момент во Франции отцовский трон унаследовал дофин, будущий король Генрих II. В числе его главных советников была семья Гизов, и в результате Генрих сразу же объявил себя «защитником» Шотландии. Он решил не экономить на сохранении «старинного союза» и гарантировать, что Мария не выйдет замуж ни за кого, кроме его сына, дофина Франциска. В ответ на идею Сомерсета об «Англо-Британском» союзе он выдвинул свой план создания «Франко-Британской» империи. Более того, он искренне поддерживал Шотландию – в отличие от отца, главной целью которого было доставить неприятности своему сопернику, Генриху VIII.

Генрих II обратился к Леону Строчи, приору Капуи и блестящему флотоводцу, получившему образование в Италии, с предложением возглавить экспедицию против «кастильцев». Строчи вошел в залив Сент-Эндрюс 16 июля, и 24 июля осадил замок. Начался массированный обстрел. 30 июля его вели с крыши древнего аббатства на востоке и с башни университетской часовни на западе. Штурм начался на рассвете и завершился к трем часам пополудни. Прежде чем Арран успел пересечь Форт и преодолеть около 50 миль от Норт-Куинсферри до Сент-Эндрюса, замок был захвачен, а заговорщики брошены в тюрьму. В наказание всех «кастильцев» отправили в качестве рабов на французские галеры.

Когда «кастильцев» вывели из замка в кандалах, среди них был молодой протестант, сторонник реформации по имени Джон Нокс, который после встречи с Уишартом, сожженным кардиналом Битоном, пожертвовал своей карьерой и стал проповедовать в своем родном графстве Ист-Лотиан. Нокс не участвовал в убийстве кардинала, но поддерживал его. Он приехал в Сент-Эндрюс, где читал проповеди в часовне замка и в городе. Он называл папу «антихристом», а мессу – «гнусным идолопоклонством», и его убедительные речи привлекли к нему множество сторонников.

Нокс провел восемнадцать месяцев на французских галерах. Затем Сомерсет договорился о его освобождении и безопасной переправке в Лондон. Это решение стало судьбоносным – в значительной степени потому, что секретарем и докладчиком прошений у Сомерсета был молодой выпускник Кембриджа и восходящая звезда политики по имени Уильям Сесил. Именно он впоследствии станет заклятым врагом Марии, а сейчас он впервые встретился с Ноксом. Благодаря протекции Сесила Нокс получил работу в Англии и был назначен одним из капелланов Эдуарда VI.

В ответ на захват замка Сент-Эндрюс Сомерсет приказал начать последний раунд «грубых ухаживаний». В конце августа армия численностью пятнадцать тысяч человек прибыла в Ньюкасл. Сомерсет во главе войска дошел до Берика, а затем повернул в Ист-Лотиан. Изменив тактику, он намеревался оставить в Шотландии постоянные гарнизоны. Он хотел оккупировать страну полностью, силой принудив к покорности. Армию сопровождал английский флот, который поддерживал военные передвижения с севера и был готов открыть огонь, если войско попадет в засаду, устроенную шотландцами.

На этот раз Арран подготовился. Когда 10 сентября английская пехота поднялась на холм в окрестностях Инвереска, неподалеку от Масселборо, к востоку от Эдинбурга, они столкнулись с самой многочисленной шотландской армией в истории. Двенадцать тысяч человек занимали выгодные позиции за оборонительными рвами на восточном берегу реки Эск. Они перекрывали дорогу на Эдинбург, и, поскольку с одной стороны армию прикрывало море, а с другой – непроходимое болото, Сомерсету оставалось либо бросаться в лобовую атаку, либо развернуть войска обратно.

Когда Сомерсет отвернул в поисках более удобной позиции, Арран перешел в наступление. Армии сошлись на холмах над деревушкой Пинки. В какой-то момент могло показаться, что шотландские пикинеры могут победить. Но потом англичане пустили в ход кавалерию и тяжелые пушки. Шотландцам пришлось отступить, а Арран бежал с поля боя. Лишившись командования, войско запаниковало. В результате обстрела и последовавшей резни погибли все десять тысяч шотландцев. Это был второй Флодден: дорога на Эдинбург и Стирлинг была открыта. Марию, которой в то время было три года и девять месяцев, поспешно посадили в карету и под покровом ночи доставили в монастырь Инчмахом, расположенный на острове озера Ментит, в 85 милях от места сражения.

Сомерсет не стал снова захватывать Эдинбург. Вместо этого он начал строить сеть небольших крепостей по всему побережью, пытаясь таким образом подчинить страну своей воле. Но его расчеты не оправдались. Сильный отпор шотландцев настолько захватил внимание, что Сомерсет совершил необъяснимую ошибку: пропустил переезд королевы Шотландии во Францию.

Не желая соглашаться на унию с Англией в ситуации военного вторжения, Арран договорился с Генрихом II – в обмен на предложение стать герцогом Шательро в Пуату он дал обещание на брак Марии и наследника французского престола. Сделка была заключена в январе 1548 г., и через месяц уже начались переговоры об обручении Марии с дофином.

Генрих II ясно выразил свои намерения. Французский король пообещал освободить Шотландию от гарнизонов Сомерсета. По своему обыкновению, он поручил это дело Гизам. Общее руководство операцией доверили старшему сыну Клода, герцога де Гиза, Франциску, который уже имел репутацию выдающегося стратега своего времени. Он должен был разработать план кампании совместно с Шарлем, кардиналом Лотарингским, самым одаренным из придворных Генриха

II. И это естественно, поскольку оба брата де Гиз приходились дядями юной королеве Шотландии.

Марию перевезли в замок Дамбартон, конфискованный у Леннокса и захваченный профранцузской фракцией, откуда она могла в любой момент отправиться во Францию. И хотя Сомерсет сталкивался с некоторыми трудностями в снабжении своих гарнизонов, но для Марии самой большой опасностью стала корь. Слухи о ее смерти от болезни быстро распространились по трем государствам, но так же быстро были опровергнуты. За безопасность девочки можно было не волноваться, поскольку для ее защиты был сформирован передовой отряд французов, денег и боеприпасов у которого хватило бы на год осады.

Армада из 130 судов доставила 5500 пехотинцев и 1000 кавалеристов, нагнав страху на гарнизоны крепостей Сомерсета, высадилась в Лите 17 июня. Многие французские солдаты были ветеранами, служившими в Италии, а командиры – профессиональными военными, и по большей части вассалами де Гизов. Это были хорошо организованные войска, лояльные своим полководцам и преданные своей стране, в отличие от многих солдат Сомерсета, среди которых преобладала доля иностранных наемников.

В начале июня французское войско осадило Хаддингтон, главную крепость Сомерсета в восточной части Шотландской низменности. Неделю спустя в соседнем аббатстве собрался парламент, и после чрезвычайно короткой дискуссии был заключен договор между Шотландией и Францией. Французский лейтенант-генерал Андре де Монталамбер, сеньор д'Эссе, объяснил, что Генрих II «всем сердцем и душой стремится защитить это королевство» и хочет обручить Марию со своим сыном.

Парламент быстро посчитал этот довод «очень разумным». Потенциальным камнем преткновения могла стать только национальная автономия, но, поскольку Генрих II пообещал защищать шотландские законы и вольности «как при всех королях былых времен», условия договора не встретили возражений.

На следующий день после завершения сессии парламента Мария де Гиз писала братьям: «Я отбываю завтра, чтобы отправить ее [Марию] к нему [Генриху II], как только вернутся галеры». Чтобы запутать морские патрули англичан, Николя де Виллеганьон, командующий французскими судами, отправленными за Марией, обогнул северное побережье Шотландии, миновал Оркнейские острова и

вернулся к западному побережью к Клайду. Это был опасный кружной маршрут, проложенный французским гидрографом, но все моряки знали, что он судоходен только в тихую погоду, когда не бушуют шторма, которые могут сильно сбить корабли с курса.

29 июля Мария простилась с матерью и поднялась на борт корабля, личной королевской галеры Генриха II. Ей было всего пять с половиной лет, но держалась она как настоящая королева. За отплытием наблюдал Жан де Бегу, ветеран и друг д'Эссе, который позже скажет, что она была «одним из самых совершенных созданий, какое мне приходилось видеть, уже со столь юного возраста она проявляет такие удивительные и достойные черты и вселяет надежды, невозможные ни для какой другой принцессы на этой земле».

Спускаясь по узкой лестнице от замка у подножья скалы на причал, чтобы взойти на корабль, Мария впервые продемонстрировала свой особый дар. Что бы она ни делала в будущем, куда бы ни отправилась, независимо от того, одобрялись ли обществом или демонизировались ее поступки, королева Шотландии всегда подтверждала свою необыкновенную способность создавать ощущение полной значимости происходящего.

Но само отплытие пришлось отложить на неделю – из-за шторма и неисправного руля корабля. Стоящие на якоре суда безжалостно швыряло из стороны в сторону, и Мария обнаружила, что она одна из немногих не подвержена морской болезни. Возможно, впервые в жизни она поняла, что может быть сильнее, чем многие из ее окружения.

7 августа флотилия наконец вышла в открытое море. Это было первое важное событие в жизни Марии: дебют на международной арене. Она явно наслаждалась своей ролью. За ее хорошим настроением наблюдал Артюс де Майе, сеньор де Брезё – вассал Гизов, которого Генрих назначил своим послом на время путешествия. В своих письмах с борта корабля он постоянно отправлял сообщения беспокоящейся матери: «королева, Ваша дочь, чувствует себя хорошо и, благодарение Господу, так же радостна, как и в Вашем обществе».

После трудного плавания, продолжавшегося восемнадцать дней, почти в два раза дольше, чем предполагалось, корабли достигли маленькой бухты недалеко от оживленного порта Роскоф в Бретани. Оттуда Мария должна была проследовать в Сен-Жермен-ан-Ле, любимый замок Генриха II, построенный на скале над рекой Сеной на окраине Парижа.

Измученные шторами, все были рады перевести дух хотя бы на несколько дней, прежде чем продолжить путешествие. Мария действительно нуждалась в отдыхе. Морское путешествие было началом увлекательного приключения, но сейчас она скучала по своей прошлой жизни. Она не знала, увидит ли когда-нибудь мать. И хотя теперь ее величали «la petite Roynne» (маленькая королева), но объяснялось это совсем не королевским статусом, а тем, что она должна была выйти замуж за дофина Франции.

3

Прибытие во Францию

Несмотря на вполне объяснимые опасения Марии, впервые ступившей на землю Франции, она совсем не страдала от одиночества. Ее окружали знакомые лица. Мать сама выбрала для нее свиту, чтобы уравновесить представителей Генриха II – сеньора де Брезё и его сопровождающих примерно таким же количеством шотландцев. Это были лорды Эрскин и Ливингстон, которых парламент назначил официальными телохранителями Марии, пока она путешествует по стране. Маленькую королеву также сопровождала леди Флеминг, незаконнорожденная дочь Якова IV и одна из ближайших подруг ее матери. Ее назначили воспитательницей Марии, ответственной за женскую часть прислуги. Рядом с девочкой все время была ее няня Дженет Синклер. Кроме того, в составе свиты был лорд Джеймс Стюарт, один из незаконнорожденных сыновей Якова V и единокровный брат Марии. Ему исполнилось восемнадцать, и он направлялся в Париж, чтобы начать обучение в университете. По всей видимости, это была первая встреча Марии с братом, который впоследствии сыграет важную роль в ее жизни. А пока он курсировал между Парижем и Эдинбургом, официально готовясь к церковной карьере, а в действительности Джеймс просто ждал случая, чтобы проявить и лучшим образом зарекомендовать себя перед юной королевой.

Компаньонками и официальными товарищами по играм были ее четыре лучших подруги: Мария Флеминг, Мария Битон, Мария Сетон и Мария Ливингстон, которых называли «четыре Марии». Девочки были практически одного возраста с королевой и принадлежали к знатным шотландским семьям; впервые они появились в качестве компаньенок Марии, когда мать увезла ее в монастырь

Инчмахом на острове. Мария Флеминг, дочь леди Флеминг, обладала преимуществом перед остальными благодаря своему родству с Марией, и маленькая королева обращалась с ней как с кузиной. Девочка славилась острым умом и жизнерадостностью. Мария Битон красотой уступала только Марии, с которой впоследствии разделит любовь к литературе и поэзии. Мария Сетон, которая останется рядом с Марией на всю жизнь, была искусным парикмахером и умела завить и заплести рыжие волосы Марии в соответствии с модой, и каждый день она делала Марии новую прическу. И наконец, Мария Ливингстон, дочь лорда Ливингстона, любила танцы и развлечения на свежем воздухе.

Их прозвище было шуточной игрой слов. «Три Марии» во Франции назывались евангельские жены-мироносицы, это Дева Мария, Мария Магдалина и Мария, жена Иакова, которые стояли у креста Спасителя. Вне всякого сомнения, Мария была знакома с библейской историей – но, возможно, она считала ее скучной и предпочитала общество подруг, вследствие чего и появилось это шуточное прозвище. Оно отражало язвительное и не гнушавшееся святотатства чувство юмора, которым впоследствии славилась королева Шотландии. Не осталось незамеченным, что во время длинного и тяжелого плавания она насмеялась над своими компаньонками, которые, в отличие от нее, страдали от морской болезни.

Как только галеры причалили в Сен-Поль-де-Леоне, в Париж было отправлено донесение о скором прибытии Марии. Генрих II уже приказал тщательно проверить все города и деревни в окрестностях его дворца в Сен-Жермене и убедиться, что никто из каменщиков, привлеченных к масштабной реконструкции, не болен никакой инфекцией. Марию должны были встретить ее дедушка и бабушка, герцог де Гиз и Антуанетта де Бурбон, к которым отправили гонца. Другой гонец с известием о приезде Марии пустился в долгий путь через Альпы в Турин, где Генрих II инспектировал свои итальянские гарнизоны. Таким вниманием Мария была обязана своему положению будущей супруги дофина Франции.

После того как все отдохнули, багаж погрузили в повозки, и караван двинулся по суше в Нант, расположенный в устье Луары, где все перешли на речную баржу, чтобы проследовать в Орлеан. В пути многие заболели – по всей видимости, это была дизентерия. Состояние лордов Эскина и Ливингстона было очень тяжелым, они полностью выздоровели только через несколько месяцев. Хуже того, в Ансени, в 20 милях от Нанта по пути к Анже, от «желудочного флюса» умер «малыш Сетон», брат Марии Сетон. Марию и ее компаньонку

болезнь не коснулась; возможно, они более тщательно, чем мужчины, следили за тем, что пьют. В те времена женщины из королевской семьи и аристократки в качестве меры предосторожности обычно возили с собой воду в бутылках, тогда как мужчины пили местное вино и пиво.

На примере маленького Сетона Мария впервые увидела смерть вблизи. После похорон все вернулись на баржу и продолжили путешествие по цветущей, поросшей густыми лесами долине Луары. Вскоре сеньор де Брезё, вассал Гизов, который официально сопровождал Марию, получил приказ срочно отправляться в Гиень на юге Франции, где крестьяне подняли бунт против соляного налога. Он оставил Марию на попечение бабушки, Антуанетты де Бурбон, которая присоединилась к отряду и теперь вела его домой.

Первые впечатления о Марии она изложила в письмах. «Заверяю Вас, – писала Антуанетта, – она самый красивый и здоровый ребенок, которого Вам когда-либо приходилось видеть». «У нее рыжие волосы и милое личико, и я полагаю, что когда она вырастет, то станет красивой девушкой с нежной и белой кожей». Антуанетта отмечала, что лицо у Марии хорошей формы, хотя подбородок, возможно, слегка длинноват. Что касается манер, то «она грациозна и уверена в себе. В целом мы можем быть ею довольны». Затем герцогиня с едва скрываемым высокомерием прибавляла, что свита Марии, за исключением леди Флеминг, не столь красива и «даже не столь чистоплотна, как следовало бы».

Предполагалось, что Мария присоединится к детям Генриха II в замке Карьер-сюр-Сен, что всего в нескольких милях от Сен-Жермена, куда их переселили на время реконструкции. Она прибыла в воскресенье, 14 октября, и была принята в соответствии с ее высоким положением. В детских королевских покоях уже было четверо детей: дофин Франциск, две его сестры, Елизавета и Клод, и младший брат Людовик, который вскоре умер от кори, не дожив до двух лет. Впоследствии у Генриха II родились еще четверо детей: Карл, Генрих, Маргарита и еще один мальчик, которого также называли Франциском.

Мария должна была присоединиться к детям, и тут возник вопрос старшинства по правилам королевского протокола. Кому следует отдавать первенство? Условились, что первенство принадлежит дофину – как мужчине и наследнику французского трона. Но следует ли Марию, коронованного монарха, считать выше остальных, в особенности выше принцессы Елизаветы, или, как ее называли, Исабель, старшей дочери короля, которой было на тот момент три с половиной года?

Генрих II тщательно все обдумал. Решение помогла принять его фаворитка, грозная Диана де Пуатье, которая имела огромное влияние, намного большее, чем жена – Екатерина Медичи. Отношения в семье Генриха II были странными, но мирными. Екатерина Медичи – дочь Лоренцо Медичи, герцога Урбино, и племянница папы Климента VII. Генрих женился на ней в 1533 г. по настоянию отца, Франциска I, который нуждался в поддержке семьи Медичи в итальянских делах. И жениху, и невесте исполнилось только четырнадцать, и это был явный мезальянс. Секс Екатерину не привлекал – возможно, потому, что в первый раз ей пришлось исполнять супружеские обязанности в присутствии собственного свекра, который шутил, что она «проявила отвагу в поединке». Она поздно созрела и оставалась бездетной на протяжении почти семи лет. В конечном счете пошли разговоры, что необходим развод; в монархическую эпоху от бесплодной королевы избавлялись. И пока не родился ее первый ребенок – Франциск, – Екатерина оставалась полностью беззащитной перед фавориткой и угрозой расторжения брака.

В годы «бездетности» Екатерину поддерживала Диана де Пуатье, которая считала, что сохранять статус-кво выгоднее, чем иметь дело с новой, менее покладистой женой. Диана заставила Генриха больше времени проводить в постели Екатерины. В ответ Екатерина позволила Диане использовать свое влияние. К тому времени, как Мария прибыла в Сен-Жермен, Диана участвовала в воспитании детей королевской четы. К ней прислушивался Жан д'Юмьер, которого в 1546 г. назначили главным распорядителем и гувернером королевской детской. Ему помогала жена, Франсуаза де Контей, леди д'Юмьер; благодаря Диане она смогла сохранить свое положение и после смерти мужа в 1550 г., когда его место занял Клод д'Юрфе, бывший послом в Риме и вернувшийся ко двору.

За несколько недель до прибытия Марии в Карьер-сюр-Сен Диана отправила д'Юмьеру записку, в которой передавала распоряжение короля по поводу королевского протокола. Марию следовало поселить в лучшей комнате замка вместе с принцессой Елизаветой, и она должна была первенствовать над всеми, за исключением дофина. Более того, она должна была «стоять выше моих дочерей, поскольку ее брак с моим сыном предрешен, и кроме того, она коронованная особа».

Екатерина Медичи впервые увидела Марию в Сен-Жермене. Она отметила красоту и живость характера девочки: «нашей маленькой королеве Шотландии довольно улыбки, чтобы вскружить головы всем французам». Впоследствии

Екатерина станет злейшим врагом Марии, но мотивом будет не женская ревность к ее привлекательности, а желание защитить статус своих детей, а также страх и неприязнь к растущему могуществу Гизов. Но настоящее соперничество началось только после смерти Генриха II. Пока же все трое прекрасно уживались.

Королевский двор с радостью приветствовал Марию. Ее сводный брат, герцог Лонгвиль, который с волнением ожидал встречи в Сен-Жермене, нашел ее великолепной. Жак де Лорж, возглавлявший отправленные в 1545 г. в Шотландию подкрепления, которым заплатили фальшивыми монетами, в своем письме Марии де Гиз писал, что ее дочь «настолько очаровательна и умна, что всякий, кто ее видит, испытывает ни с чем не сравнимую радость и удовольствие». С нетерпением ждавшая новостей о дочери Мария де Гиз была польщена столь высокими отзывами.

9 декабря Генрих II вернулся в Сен-Жермен. К тому времени он уже пригласил художника, чтобы написать портреты всех детей. И в конце октября в Невере он узнал Марию по ее портрету и сразу обратился к ней по имени. Когда они наконец встретились, Генрих нашел ее манеры и внешность безупречными. «Она самый прелестный ребенок, какого мне довелось видеть», – радостно сообщал он Монморанси, коннетаблю Франции. С тех пор Мария была для него, как он постоянно повторял, «моей собственной дочерью».

«Выход в свет» Марии состоялся несколько дней спустя во время свадьбы ее дяди Франсуа и Анны д'Эсте, дочери Эркюля д'Эсте, герцога Феррарского. Это был великолепный праздник, на который были приглашены дипломаты со всей Европы. На торжественном приеме Генрих II произнес речь, в которой привлек внимание всех к «моей дочери, королеве Шотландии», и ее танцу с дофином.

Мария любила танцы и знала множество простых па. Когда они с дофином вышли на середину зала, все замерли, глядя на них. Это был первый серьезный экзамен Марии при французском дворе. Ей пришлось выйти вперед в жестком накрахмаленном платье, украшенном плетеным орнаментом и драгоценными камнями, и в тесных туфельках без каблуков выполнять сложные движения, которые она разучивала последние несколько недель, – сначала просто отсчитывала шаги в такт музыке, а потом практиковалась с дофином под строгим взглядом леди Флеминг. Такой куртуазный танец в обязательном порядке предшествовал обручению, поскольку демонстрировал всему двору, что «влюбленные» здоровы и пребывают в хорошей физической форме. По

окончании танца партнеры любого возраста должны были обмениваться нежным поцелуем.

Поскольку Мария приехала во Францию невестой дофина, Генрих радовался, что мальчик быстро привязался к ней. На Рождество 1548 г. дофину было почти пять лет, а Марии – шесть. Генрих убедил себя, что «с самого первого дня знакомства они с моим сыном ладят так же хорошо, как если бы давно знали друг друга».

Король выдавал желаемое за действительное. Дофин был смел и умен, но физически слаб. Даже в таком юном возрасте он выглядел неподходящей парой для Марии, поскольку она была необычайно высокой для своих лет, а он – слишком маленьким. Мария была жизнерадостной, разговорчивой и бурно жестикулировала, а Франциск был неуклюжим заикой. Подходящей парой они казались только благодаря усилиям Дианы де Пуатье. Несколько месяцев она напоминала леди д'Юмьер, чтобы та обучила дофина основам ухаживания. Леди д'Юмьер поняла намек, и Диана, сообщая о первом успехе ее воспитанника, настоятельно рекомендовала: «Если Вы хотите доставить удовольствие королю, продолжайте учить его этим милым маленьким уловкам».

Мария уловила эти сигналы и присоединилась к спектаклю. Она интуитивно поняла, насколько важно обращаться с Франциском так, чтобы угодить королю, ее новому «отцу», и что лучший способ взаимодействовать с ним – искать дружбы мальчика, одновременно используя условности куртуазной любви и притворяясь его «возлюбленной».

Это была магическая формула. И коннетабль, и венецианский посол отмечали ее изящные и скромные манеры. Дофин же, поощряемый леди д'Юмьер, увлекался охотой и военными забавами. Дядя Марии, Франсуа, подарил ему специально изготовленные детские доспехи, и мальчик в своем тщательно переписанном благодарственном письме называл себя «благородным рыцарем», который верен старинным обычаям и стремится «завоевать сердце прекрасной и целомудренной дамы, Вашей племянницы».

Вскоре после Рождества Антуанетта де Бурбон сообщила матери Марии о решении короля, что все его дети будут обучаться вместе. Это было явным отступлением от традиций, но Генрих хотел, чтобы дети «привыкли к обществу друг друга».

Отчасти это было его искренним желанием. Он хотел, чтобы Мария и Елизавета, его собственная старшая дочь, воспитывались как сестры, а дофин встречался с Марией в непринужденной обстановке и под надзором старших. Но были и тайные причины, например, тот факт, что шотландская свита Марии, по крайней мере ее мужская часть, постепенно превратилась в обузу. Шотландцев, несмотря на их высокий статус, не любили при дворе, где они служили в королевской гвардии, *garde ecossaise*. С точки зрения французского придворного этикета они были грубы и неотесанны. Теперь Генрих хотел отправить домой тех, кто прибыл с Марией из Шотландии.

Главной заботой воспитателей Марии был язык. До сих пор девочка говорила на шотландском и почти не знала французского. Это следовало исправить как можно быстрее. Немаловажным был и вопрос расходов, потому что мать маленькой Марии не платила жалованье свите дочери, и Генрих не хотел оплачивать отдельный штат прислуги для каждого королевского ребенка – более подходящим ему казался общий штат воспитателей и гувернеров. Согласно новым правилам все должны были говорить только на французском и соблюдать установленный протокол. Придворные штаты Марии и дофина объединялись. Его сестры вместе с прислугой делили роскошные апартаменты с Марией и ее компаньонками, и всем этим хозяйством заправляли д'Юмьер и его жена.

Мужская часть прислуги Марии, за немногими исключениями, была оттеснена на вторые роли, и даже в ее женской части произошли изменения. Поначалу четыре Марии повсюду сопровождали маленькую королеву, но, когда она немного освоилась и привыкла к новому окружению, их отправили в школу в доминиканском монастыре в Пуасси, где девочек обучали французскому, а в их отсутствие Марию обязали говорить только по-французски. Даже Синклер, ее старая нянька, оказалась под угрозой отправления на родину. Ее вернули только после вмешательства матери королевы Марии, но ее просьба столоваться отдельно от француженок осталась без ответа. Синклер устала от покровительственного отношения слуг остальных королевских детей, но, несмотря на неоднократные просьбы, ее вынудили жить и работать вместе с прислугой, которую Генрих нанял для собственных дочерей.

Леди Флеминг, в отличие от всех остальных, ничего не угрожало. Она свободно владела французским и хотя была замужем за шотландцем, но в ней было «все, чего только можно желать». Правда, и тут имелась скрытая цель. На первый взгляд все выглядело так, будто Мария не могла обойтись без своей

гувернантки, которую сочли неподходящей для остальных королевских детей. Соответственно, Флеминг оставили руководить женской прислугой Марии, несмотря на возможные разногласия по поводу расходов с д'Юмьером и позже с д'Юрфе.

Правда заключалась в том, что красивая и любвеобильная Флеминг стала новой любовницей Генриха II. Король даже написал матери королевы Марии, чтобы та не обошла ее милостями. «Я убежден, что Вы цените заботу, беспокойство и величайшее внимание, которые моя родственница, леди Флеминг, день ото дня выказывает нашей маленькой дочери, королеве Шотландии, – лукаво отмечал он. – Я должен постоянно помнить о ее детях и ее семье».

В один из вечеров ревнивая Диана де Пуатье удивила короля, только что покинувшего объятия ее соперницы. Она устроила скандал и обвинила Генриха в том, что он оскорбляет королеву Шотландии, заведя интрижку с ее служанкой. Тайно пробираясь в покои Марии на любовное свидание, Генрих ставил под сомнение репутацию юной королевы.

Генрих проигнорировал протесты Дианы, но последнее слово, как всегда, осталось за ней. В 1551 г. леди Флеминг забеременела. Она родила сына, Генриха Ангулемского, и это стало ее роковой ошибкой. Интрижка Генриха перестала быть тайной, сразу пошли неприличные слухи. Диана решительно выступила в защиту доброго имени королевской семьи, и скомпрометированную Флеминг отправили в Шотландию, однако ее дочь, главная из четырех Марий, осталась во Франции.

Несмотря на новую, увлекательную жизнь, Мария очень скучала по матери. В апреле 1550 г., после почти двух лет разлуки, она с огромной радостью узнала о предстоящем визите Марии де Гиз. Но радость юной королевы была окрашена печалью – после двухмесячной болезни в Жуанвиле в возрасте 54 лет скончался ее дед Клод, герцог де Гиз. Первое официальное письмо Марии было формальной верительной грамотой для сеньора де Брезё, которого Генрих II решил отправить в Шотландию с печальным известием.

Марию посчитали слишком маленькой, чтобы присутствовать на похоронах деда, и от ее имени отправили представителя. Ее мать тоже не могла приехать и очень расстраивалась: «Я потеряла лучшего отца, который только может быть у ребенка», – сказала она своему брату Франсуа, который унаследовал герцогский титул.

Мария де Гиз решила ускорить свой визит и для выбора своего дорожного гардероба обратилась за советом к Диане де Пуатье – именно она, а не Екатерина Медичи, была арбитром в вопросах моды – относительно траурного протокола в Сен-Жермене. Генрих II организовал путешествие, получив для нее дипломатический паспорт у английского Тайного совета, поскольку желудок у нее был слабее, чем у дочери, и она страдала от морской болезни. Перспектива долгого морского путешествия из Шотландии пугала ее, и она предпочитала более долгий и медленный путь по суше через Англию, а затем короткое путешествие на другую сторону Ла-Манша через Дувр.

Мария красочно описывала планы матери в письмах Антуанетте де Бурбон. Она просто не могла сдержаться, говорила Мария, потому что бабушка должна узнать «радостные вести, которые я только что получила от моей матери, королевы». Торопясь закончить письмо, Мария потеряла смысловый глагол в череде придаточных предложений, но суть была ясна. Приезд матери «станет для меня величайшим счастьем, какое только можно желать в этом мире... молю Вас, мадам, Вы многократно увеличите мою радость, если найдете возможность поскорее нанести мне визит, а пока вооружитесь терпением, которое Вы можете проявить по такому случаю». Меньше чем за два года Мария в совершенстве овладела французским. Ее стиль был несколько неуклюжим, но грамматика безупречна.

Визит ее матери преследовал и политическую цель. Генрих II планировал грандиозное торжество в честь окончательного изгнания английской армии и гарнизонов из Шотландии, а также из укрепленных крепостей в Булони. Предполагалось, что присутствовать будет весь двор и родственники Генриха, и на расходах не сэкономили. Мария де Гиз и ее дочь, королева Шотландии, должны были стать центральными фигурами праздника.

Мария де Гиз путешествовала не одна. Ее сопровождал почти весь шотландский двор, в частности, проанглийски настроенные лорды, которые не один год вели переговоры с Генрихом VIII и Сомерсетом. Но сейчас она не скрывала своих целей. Теперь, когда другие кандидаты, как проанглийский, так и профранцузский, приняли Хаддингтонский договор, мать королевы Шотландии стремилась укрепить свои претензии на единоличное регентство и связать лордов «старинным союзом». Обе цели поддерживались великодушным гостеприимством Генриха II и щедрой раздачей новых пенсий.

Главный праздник устроили в октябре в Руане, столице Нормандии. В подражание триумфам Римской империи король въехал в город через специально построенные арки мимо ликующей толпы. Этому ритуалу, который был классическим выражением символики эпохи Возрождения, но исполнен с поистине гомеровским размахом, предшествовали театральные постановки, в которых солдаты и актеры, изображавшие классических героев и победоносных военачальников, шествовали мимо короля и придворных. Мария и ее мать наблюдали за действием с почетных мест синего с золотом шатра, установленного на западном берегу Сены.

Во главе процессии ехала колесница, нагруженная трофеями, а за ней «единороги» – на самом деле это были белые лошади со специальными головными уборами – тянули картины на рамах, иллюстрирующие военные победы династии Валуа. На высоких шестах несли знамена и изображения крепостей, захваченных в Шотландии и в окрестностях Булони. Во время одной из инсценировок Генрих II выступал в роли Ганнибала, карфагенского полководца, который провел свою армию через Альпы и победил римлян с помощью слонов – в этот момент громадные животные появились перед толпой. Многие подумали, что это настоящие слоны из королевского зверинца в Париже, но в действительности они были сделаны из дерева и папье-маше, установлены на колеса и приводились в движение людьми, прячущимися внутри.

Затем по улицам провели закованных в цепи «пленников», захваченных в Булони. Самую большую и богато украшенную раму отвели под картину, изображающую Генриха II и его детей. На картине король был изображен в образе римского императора, окруженного наследниками, а над его головой дочь Зевса и муза эпической поэзии Каллиопа держала «императорскую» корону Франции.

Около полусотни обнаженных актеров, мужчин и женщин, изображали бразильских «туземцев», которые сначала прошли по улицам, а затем показали «войну» между двумя враждебными племенами. Перед трибуной разыгрывалась живая картина – с хижинами, шалашами, пальмами и дикими животными. Туземцы охотились, готовили еду на костре, торговали с французским гарнизоном. Завершилось все ожесточенным сражением воинов с луками и стрелами, после которого хижины побежденного племени сожгли дотла. Это было настоящее массовое зрелище, с которым не могли сравниться предыдущие представления, – толпа ревела от восторга.

Завершала праздник имитация морского сражения между «французским» и «португальским» флотом. Настоящие корабли были нагружены бочонками с порохом. Моряки стреляли из настоящих пушек, но скорее всего, без ядер. Тем не менее произошло неизбежное – на одном из судов взорвался бочонок с порохом, и корабль затонул вместе с экипажем. На следующий день сражение повторили, заменив корабль, но несчастье повторилось, и снова погибли люди.

Праздник стал великолепным наглядным политическим манифестом. Центральная роль была отведена Шотландии, и поэтому шотландская королева и ее мать предстали во всем своем великолепии. Генрих II видел себя «защитником» Шотландии; его победы привели к освобождению Шотландии и Булони. Объединяющей темой праздника стал дофин. Именно он, а не сам Генрих II, был той фигурой, вокруг которой выстраивались все мизансцены, – дофина уже воспринимали мужем юной шотландской королевы. Благодаря династическому праву Марии на английский трон как правнучки Генриха VII, основателя династии Тюдоров, будущий король Шотландии и Франции имел право стать и законным королем Англии. Таким образом, он являлся наследником трех монархий. Брак Марии с дофином позволял династии Валуа в полной мере реализовать свой потенциал, создав франко-британскую «империю», в которую войдут Британские острова, и затем французское влияние распространится через Атлантику в Бразилию, куда уже проникли французские купцы, начав соперничать с торговой мощью Португалии.

Не менее важным был выбор Генрихом II места проведения праздника. Нормандия – ближайшая к Англии провинция, имевшая самые тесные исторические связи с Британскими островами. Кроме того, в последнее время именно в этом регионе семья Гизов приобретала новые земли и вассалов. С этой стороны «франко-британский» проект был наиболее дерзким из всех замыслов Гизов. Клод, герцог де Гиз, планировал поставить свою семью в центр государства, управляла которым династия Валуа. И даже после его смерти сыновья продолжили выполнение планов герцога де Гиза.

И конечно, краеугольным камнем этого амбициозного проекта была Мария. Генрих II мыслил в династических категориях, основываясь на завещании Генриха VIII, в котором был установлен порядок наследования английского трона. Если Эдуард II, единственный выживший сын Генриха VIII, умрет, не оставив наследников, то, согласно воле короля, трон могут наследовать женщины королевской семьи. Следующей в очереди была старшая сестра Эдуарда Мария Тюдор, а если и она умрет бездетной, то королевой Англии

станет младшая сестра Елизавета Тюдор.

Но английская католическая церковь считала законной наследницей Марии Тюдор Марию, королеву Шотландии. Елизавета была незаконнорожденной дочерью Анны Болейн, на которой Генрих VIII женился, когда еще была жива его первая супруга, Екатерина Арагонская. Папа и католическая церковь не признавали Анну Болейн законной женой Генриха и называли ее «наложницей». Сам Генрих в итоге развелся с Анной Болейн, а затем непризнанная жена была казнена. В 1536 г. английский парламент уже официально признал Елизавету незаконнорожденной, и это постановление никто не отменял. Такое положение дел позволяло Марии, королеве Шотландии, предъявлять права на престол, хотя Генрих VIII открыто отвергал их.

Генрих всегда считал, что с помощью завещания он сможет установить порядок престолонаследия и отвергнуть претензии Стюартов. Как ему казалось, он все предусмотрел: если все его дети умрут, не оставив наследников, трон унаследуют дети его младшей сестры Марии, герцогини Саффолк. Генрих до такой степени разгневался на Шотландию за денонсацию Гринвичского договора, что вовсе исключил Стюартов из числа наследников престола, намеренно нанеся им непростительное оскорбление.

Однако схема, предложенная Генрихом VIII и одобренная парламентом в 1544 г. как третий закон о престолонаследии, основывалась на одном важном допущении. Если права на престол могут переходить по женской линии, то приходится учитывать и потомков Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха. По правилам династического наследования было невозможно игнорировать первый брак Маргариты с Яковом IV Шотландским. Их сыном был Яков V, отец Марии, королевы Шотландии, которая приходилась Маргарите внучкой, а Генриху VII – правнучкой.

Пока были живы Эдуард VI и Мария Тюдор, права Марии на английский трон оставались призрачными, поскольку законность правления детей Генриха никем не оспаривалась. Но в сравнении с Елизаветой Тюдор претензии Марии на английский престол были не менее, а возможно, и более весомы. В пользу Елизаветы высказывался только третий закон о престолонаследии, но его не поддерживала Римско-католическая церковь в лице папы, с которым Генрих VIII порвал за десять лет до принятия закона. Именно поэтому католики, все еще составлявшие большинство населения Англии, не признавали юрисдикцию еретического парламента.

После грандиозного праздника, укрепившего высокое положение семьи Гизов, мать королевы Марии оставалась во Франции чуть больше года, вернувшись с дочерью в Париж и Сен-Жермен, а затем посетив Жуанвиль и Блуа. Вместе со своей шотландской свитой Мария де Гиз объехала всю страну. Это было не просто путешествие, а специально организованное королевское турне, как говорили шотландские лорды, – под конец поездки все устали от впечатлений. Не менее важным стало то обстоятельство, что все они стали намного богаче. Генрих II был как никогда щедр, вложив с 1548 по 1551 г. в свой «франко-британский» проект пять миллионов турецких ливров, а это в пять раз больше, чем потратил Франциск I за все время своего правления.

Весной путешествие было прервано и закончилось трагедией. В апреле 1551 г. в Амбуазе раскрыли заговор с целью убийства юной королевы Шотландии. Один из бывших «кастильцев», захваченный французами после обстрела замка Сент-Эндрюс, продолжал мстить. Сменив имя, он поступил в шотландскую гвардию и получил доступ в королевские апартаменты. В его планах было убить юную королеву: подкупить повара и подложить яд в любимый десерт Марии – груши во фритюре. Но кто-то проговорился, и заговор раскрыли. Главный заговорщик сумел бежать в Ирландию, а оттуда в Шотландию, но его схватили и вернули во Францию, где его осудили и казнили за преступление против короны. Маленькая Мария, судя по всему, ничего не знала, или не придавала значения тому, что едва избежала смерти, однако ее мать так сильно разволновалась, что слегла в горячке.

Но полоса несчастий не окончилась. В сентябре на Марию де Гиз обрушилось настоящее горе – герцог Лонгвиль, ее единственный сын от первого брака, заболел неизлечимой болезнью и умер у нее на руках в Амьене. Ему еще не было шестнадцати. И снова Мария лично не присутствовала на похоронах. Вскоре после этой трагедии Мария де Гиз отправилась в Англию, чтобы затем вернуться в Шотландию. Все четверо ее сыновей умерли, и сердце ее было полностью разбито. Ее посещали мысли о том, чтобы остаться во Франции, – удалиться в монастырь или жить вместе с родственниками в Жуанвиле. Но она понимала, что сейчас ее долг – править Шотландией от имени своего единственного ребенка и всеми способами укреплять военный и династический союз с Генрихом II и Францией. Мария де Гиз должна была расстаться с дочерью. На прощанье она крепко обняла Марию – как оказалось, в последний раз. Больше они не увидятся.

К концу 1551 г. Мария заметно выросла. Ей было всего девять лет, но ее тетя, Анна д'Эсте, одна из самых образованных женщин при французском дворе и

законодательница мод, указывала, что «с ней больше нельзя обращаться, как с ребенком». Мария уже не выглядела ребенком и разговаривала как взрослая. Каждый день «она становится все очаровательнее, приобретает хорошие манеры», «все больше соответствует... месту», которое она занимает и о котором ей не позволяют забывать. У нее уже огромный гардероб с платьями из самых лучших и дорогих тканей, а коллекция драгоценностей так велика, что для ее хранения требуется три латунных сундука и несколько шкатулок.

За несколько лет пребывания во Франции Мария выучила новый язык, строгие и сложные правила придворного этикета, научилась видеть эстетику красоты и обрела хороший вкус. Все эти годы семья де Гиз успешно защищала ее права на престол. Но постепенно значение этих прав изменилось. Будущее Марии теперь было тесно связано с «франко-британской» идеей – из наследника династии Стюартов она превратилась в ключевую фигуру всего династического замысла Валуа. Шествия и картины, которые Мария наблюдала в Руане, должны были заронить в ее душу знание, что, будучи королевой Шотландии и следующей в династии королевой Франции, она также должна стремиться стать будущей королевой Англии.

4

Юность

После того как мать королевы Марии вернулась в Шотландию, ее дядя Шарль, кардинал Лотарингский, самый дерзкий и опытный политик при дворе Генриха II, принял на себя роль ее наставника. Через несколько лет он стал самой влиятельной фигурой в свите юной королевы. Такая смена ролей была не внезапной, но постепенной, и началась в тот момент, когда Шарль обезоружил сестру, вынудив ее заявить, что «никто, кроме Вас самой или того, кому Вы делегируете полномочия, не должен иметь власти над Вашей дочерью». Единственный член семьи Гизов, который почти все время находился при Генрихе II, когда королевский двор перемещался по долине Луары из королевского дворца в охотничьи угодья и обратно, а также на всем пути от столицы в провинции, Шарль использовал это преимущество для усиления своего влияния. Такая ситуация устраивала всех, и он отправлял сестре регулярные отчеты о здоровье, образовании и финансах своей племянницы.

В 1550-х гг. семья де Гиз приобрела при французском дворе беспрецедентное влияние. Во внешней политике они были сторонниками династических претензий Франции на Британские острова, а также войны против Испании и Священной Римской империи. Во внутренней политике Гизы неустанно трудились, создавая целые сети своих союзников при дворе и в провинциях. После празднеств в Руане де Гизы занялись монополизацией власти при дворе, стремясь втереться в доверие к Екатерине Медичи, которая испытывала явную неприязнь к коннетаблю Монморанси, высшему военному и должностному лицу Франции.

Должность коннетабля во Франции пожизненная. Его обязанности относились в основном к военной сфере, и в военное время в отсутствие короля коннетабль командовал армией, а в присутствии короля – авангардом. На торжественных церемониях коннетабль должен был идти впереди короля и нести королевский меч. На первом этапе своего восхождения к власти Гизы были верными союзниками Монтоммери, но после праздника в Руане положение несколько изменилось. Уверенность и амбиции Гизов росли, и поэтому настало время сместить коннетабля и самим занять его место. Козырем в этой игре должно было стать обручение их племянницы Марии с дофином.

Франсуа де Гиз – брат Шарля – имел все, чтобы привести семью к победе. Он был блестящим военным стратегом, прославившимся в битвах. Войска его боготворили. Он считал себя больше человеком действия, чем придворным, и в мирное время жил в основном в Жуанвиле или в замке Медон, одном из многочисленных владений в окрестностях Парижа, которое семья прибрала к рукам. Франсуа приглашал к себе Марию и обращался с ней как с собственной дочерью. Он заменил Марии отца, чем заслужил ее огромную любовь.

Воспитанием и образованием Марии занимался Шарль де Гиз. Именно он знакомил ее с протоколом, советовал, как и кому писать письма, о чем следует говорить. Но если Шарль уезжал по поручению короля или удалялся в монастырь на время Великого поста, она обязательно советовалась с Франсуа де Гизом. Мария беспрекословно следовала их рекомендациям. А после скандальной интрижки леди Флеминг с королем Шарль без предупреждения ежемесячно проверял всю ее свиту, «чтобы подробно разузнать, что происходит». С этого момента он взял дело воспитания Марии в свои руки: ей позволялось жить, учиться и развлекаться так, как она хотела, – но в границах, обозначенных его советами.

С таким наставничеством Мария быстро повзрослела. Она переросла свою свиту, но изменение уклада жизни королевских детей произошло только после опалы Флеминг и решения Генриха II выделить дофину собственный двор. Новой наставницей Марии стала Франсуаза д'Эстамвиль, мадам де Паруа, которая в силу своего возраста не представляла угрозы для Екатерины Медичи или Дианы де Пуатье. Она была безопасна с точки зрения сексуальных отношений и очень скучна. Вероятно, юной Марии она казалась ужасной занудой.

Непримечательной внешности, безукоризненной нравственности мадам де Паруа славилась своей преданностью, о чем упоминал Шарль в одном из своих отчетов. «Чуть не забыл сообщить Вам, – писал он матери королевы Марии в примечании к письму, – мадам де Паруа справляется настолько хорошо, что лучшего вряд ли можно ожидать, и Вы можете быть уверены, что богослужения проводятся согласно старинным обычаям».

Этим замечанием кардинал намекал на Флеминг, известную своими симпатиями к гугенотам, как во Франции называли протестантов. Это ни с чем не связанное замечание обычно неверно интерпретируется в значении, что Марию хотели воспитать в самых строгих католических традициях, чтобы подготовить ее к царствованию как символ католицизма. В целом широко распространен взгляд на семью Гизов как на «ультра-католиков», которые стремились подчинить политику Франции и Шотландии, чтобы спасти монархии Валуа и Стюартов и избежать угрозы перехода страны в протестантство.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Ошибка (фр.).

2

В католичестве крестное знамение исполняется движением руки слева направо. – Прим. ред.

3

Чертополох – символ королевской власти Шотландии. – Прим. ред.

4

Николай IV – папа римский (1288–1292). – Прим. ред.

5

Бонд – феодальный договор или контракт, обещающий верность, поддержку, защиту и службу, обычно пожизненный. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.

6

«Творец королей» (англ. Kingmaker) – термин, означающий человека или группу лиц, которые оказывают большое влияние на то, кто придет к власти, но при этом сами прийти к власти не могут. – Прим. ред.

7

От англ. castle – «замок».

8

Тюрьма в форме бутылки теперь превращена в аттракцион для туристов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gay_dzhon/dve-korolevy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)